

ДЕТЕКТИВ
ПО РЕАЛЬНЫМ СОБЫТИЯМ

ЭЛИКСИР

ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Наука сделала шаг навстречу
человеку. А он превратил ее
В ОРУДИЕ УБИЙСТВА...

МАЙК ЛОГИНОВ

Михаил Анатольевич Логинов
Эликсир для избранных
Серия «Загадочная история.
Детектив по реальным событиям»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65705433
Эликсир для избранных: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-121374-9

Аннотация

Хорошо ли мы знаем историю собственной семьи? На этот вопрос каждый ответит по-своему. Главный герой романа – реальный потомок известного профессора биологии, скончавшегося в 1935 году при странных обстоятельствах.

Сделанное в 1930-е годы профессором Заблудовским открытие в области человеческого долголетия стало настоящей сенсацией. Им заинтересовалось не только научное сообщество, но и особые государственные органы. Казалось, наука стоит на пороге новой эры. Однако неожиданная смерть ученого поставила крест на дальнейших разработках в этой области...

Спустя много лет правнук профессора получает заказ – написать статью о своем знаменитом предке. Молодой человек начинает собирать материал и неожиданно сталкивается с живым

подтверждением того, что уникальная разработка профессора, придумавшего, как продлить человеческую жизнь, работает.

Но оказалось, что это изобретение имеет и обратный эффект...

Майк Логинов

Эликсир для избранных

© Логинов М.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается моему прадеду – профессору
Михаилу Павловичу ТУШНОВУ*

*«Мы к вам, профессор, и вот по какому делу...»
М. А. Булгаков «Собачье сердце»*

Москва, 19 сентября 1935 года

Профессор Павел Алексеевич Заблудовский вошел во двор дома на Новинском бульваре и остановился, чтобы перевести дух. Последние дни Павлу Алексеевичу нездоровилось. В конце августа он вернулся в Москву из Кисловодска, загорелый и отдохнувший, и энергично взялся за работу. Но скоро ощущение бодрости куда-то ушло, снова навалилась усталость – словно и не уезжал никуда. Опять стало побаливать сердце. Когда в июне у Заблудовского случился приступ, он впервые подумал о том, что может умереть, что впереди у него не десятилетия и даже не годы, а может быть, месяцы. От мыслей этих становилось не по себе. Он внима-

тельно прислушивался к собственному телу, пытаясь различить тревожные сигналы. Вот и сегодня утром было как-то нехорошо. Жена Серафима Георгиевна отговаривала идти на службу, советовала отлежаться. Но он пересилил себя и отправился в институт. Там ему вроде бы полегчало, но потом снова стало хуже. Павлу Алексеевичу казалось, что он никак не может сделать глубокий вдох, и это не давало ему сосредоточиться на работе. Промаявшись до обеда, Заблудовский собрал бумаги и поехал домой. И вот теперь оставалось подняться к себе наверх и прилечь. Но Павел Алексеевич медлил, ему хотелось побыть на воздухе. Он сел на скамейку возле подъезда и прикрыл глаза. «Что-то со мной не так, что-то со мной определенно не так», – размышлял он. Сердце снова заныло. Заблудовский положил ладонь на левую сторону груди и нащупал конверт во внутреннем кармане пиджака. Там лежало письмо на имя наркомздрава Каминского, копия – начальнику Лечебно-санитарного управления Кремля Ходоровскому.

«А может быть, оно не нужно? – подумал профессор о письме. – Что смогут сделать Каминский и Ходоровский, если за всем этим стоит НКВД? Тогда все предстает в ином свете. Неужели Борис в этом участвует? Он изменился в последнее время. Раньше был спокойным, даже флегматичным, а теперь в нем появился какой-то надрыв. Как он сказал тогда, на дне рождения Ариадны? “Я чувствую себя грешником, которого отпустили из ада на землю, а срока не устано-

вили... Гуляй, пока не позовем обратно...» Он, кажется, был сильно пьян. И этого тоже за ним раньше не водилось. Я еще тогда подумал: что с ним происходит? И Серафима тоже заметила перемену. Написала мне в Кисловодск: «Борис играет странную роль». Да, именно так – играет странную роль... Что же делать? А если меня арестуют?»

От этой мысли Павел Алексеевич холодел.

«Если со мной что-то случится, что станет с Серафимой и Ариадной? Как они будут без меня? Всю жизнь я старался сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались. Ограждал, оберегал. Хотел как лучше, а получилось... Господи! А что станет с лабораторией? С исследованиями? Столько сил положено... Кому передать? Ариадна еще слишком молода и неопытна. Думал, Борис продолжит дело... Но теперь как же?»

– С вами все в порядке, профессор? – вдруг раздался у Заблудовского над ухом низкий хрипловатый голос.

Павел Алексеевич от неожиданности вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял управдом Моисей Маркович, хмурый, неприветливый мужик в полувоенном френче. «Господи, как его фамилия? – заволновался Павел Алексеевич. – Брондер? Шмондер? Не помню!»

– Ничего-ничего, все в порядке! – ответил он управдому. – Просто присел отдохнуть...

– Понятно, – сказал управдом и зашагал прочь.

«Неприятный тип, – подумал профессор, глядя вслед уда-

ляющейся фигуре. – Борис говорит, что все оправданы, дворники и дежурные в подъездах – сотрудники НКВД. Неужели правда?.. О чем я думал? Ах да! Что будет с лабораторией?..»

Передышка пошла Заблудовскому на пользу, он почувствовал себя лучше, и это сразу отразилось на ходе его мыслей.

«Нет, нельзя падать духом! – подумал он. – В конце концов, я – известный человек, я на хорошем счету, мне доверяют, среди моих пациентов очень влиятельные люди... Почему должно случиться что-то плохое?»

Заблудовский поднялся и направился к подъезду.

– Здравствуйте, профессор, – поздоровалась с Павлом Алексеевичем консьержка, молодая женщина с простым широким лицом. – Что-то вы рано сегодня?

– Да вот нездоровится, – неопределенно сказал он и пошел к лифту.

Поднявшись к себе на пятый этаж, Павел Алексеевич позвонил в дверь. Постоял несколько секунд, потом спохватился: ведь дома нет никого. Жена Серафима Георгиевна уехала в гости к знакомым в Сокольники. Дочь Ариадна была на работе. А домработница Анна Ивановна взяла выходной.

Академик отпер дверь и вступил в полутемную прихожую. Они с Симой и Ариадной жили в этой квартире уже почти три года, но Павел Алексеевич все не мог привыкнуть и чувствовал себя как в гостинице. Заблудовским ед-

ва ли не первым предложили переехать в только что отстроенный дом на Садовом кольце и самим выбрать себе квартиру. Профессор даже удивился: с чего такие почести? Он помнил, как они с Серафимой приехали рано утром на поезде из Казани и их повезли по незнакомым московским улицам. Сопровождавший Заблудовских сотрудник хозяйственного управления Совнаркома РСФСР всю дорогу нахваливал им будущее жилье. Официально дом находился в ведении республиканского правительства. Первый подъезд отдали ученым, третий – народным комиссарам, а посередине, во втором, публика была чином пониже, и квартиры там были поменьше. Заблудовские выбрали просторную четырехкомнатную квартиру на пятом этаже. С левой стороны длинного коридора располагались столовая и комната Ариадны, с правой – спальня и кабинет. Из прихожей проход вел направо – в кухню, царство Анны Ивановны.

...Навстречу профессору из столовой вышел кот Лобан. У Павла Алексеевича с ним был вооруженный нейтралитет. Лобан был нрава замкнутого и злого. Хозяйкой признавал Серафиму Георгиевну и только ей позволял гладить себя. Всех остальных членов семьи игнорировал. Лобан остановился посреди прихожей, равнодушно посмотрел на профессора и двинулся на кухню. Павел Алексеевич проводил его взглядом, потом разулся, надел домашние туфли и хотел было пройти в кабинет, как вдруг ему почудилось, что в квартире кто-то есть. Он остановился и прислушался. Нет, ти-

шина. Показалось, наверное. И вдруг дверь столовой стала медленно открываться. Заблудовский вздрогнул. На пороге комнаты показался человек.

– Вы? – удивленно спросил академик...

Серафима Георгиевна Заблудовская вернулась домой около семи вечера. Уже смеркалось. Навстречу ей выбежал Лобан и жалобно мяукнул. Серафима Георгиевна зажгла свет.

– Павлуша? – окликнула она, увидев на вешалке пальто мужа. – Ты дома?

Никто не ответил.

Серафима Георгиевна прошла по коридору, заглядывая в комнаты – в спальню, в кабинет. Никого. Потом открыла дверь столовой. На узком диванчике, повернувшись лицом к стене, лежал Павел Алексеевич. Ноги его были укрыты шерстяным клетчатым пледом.

– Павел, – негромко окликнула мужа Серафима Георгиевна, – ты спишь?

Павел Алексеевич не ответил. Серафима Георгиевна на цыпочках подошла к дивану, наклонилась к мужу, стараясь уловить его дыхание, но ничего не услышала. Тогда она взяла Павла Алексеевича за руку и почувствовала, как та холодна. Серафима Георгиевна схватила мужа за плечо и резким движением повернула его на спину. Павел Алексеевич Заблудовский был мертв.

– А-а-ах! – вскрикнула Серафима Георгиевна и бросилась

в телефону.

Москва, 20 сентября 1935 года

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

19 сентября от припадка грудной жабы внезапно скончался известный ученый профессор Павел Алексеевич Заблудовский. Он широко известен врачебному миру как у нас в Союзе, так и за границей, как автор учения о гистолитах и основоположник лизатотерапии – нового метода лечения, давшего возможность многим сотням больных восстановить свою трудоспособность. Академик Заблудовский являлся подлинным новатором, революционизировавшим современную медицину и давшим в руки врачей новый метод активной терапии в целом ряде патологических процессов. Настойчиво разрабатывая свою теорию, профессор Заблудовский был вдохновителем и руководителем целого ряда работ о лизатах. В последние два года своей жизни Павел Алексеевич с увлечением отдался делу организации своей лаборатории во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, идея создания которого была так горячо встречена научными кругами нашего Союза. Смерть профессора Заблудовского является тяжелой утратой для советской науки, потерявшей в его лице крупного и талантливого ученого.

Г. Н. Каминский (нарком здравоохранения РСФСР), В. А.

Кангелари, М. Г. Гуревич, С. И. Каплун, Л. Н. Федоров, А. И. Абрикосов, И. П. Разенков, А. Д. Сперанский, Б. Н. Лаврентьев, Н. А. Шерешевский, И. И. Ходоровский, Я. Б. Левинсон, Н. Б. Кроль, Е. С. Беньяминсон, Ф. Р. Бородулин, Д. А. Тайц, И. Ю. Домбе, М. П. Кончаловский, П. Ф. Здродовский, Б. Л. Исаченко, В. С. Левит, П. Я. Мытник, И. С. Метальников.

Нью-Йорк, 21 сентября 1935 года

ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ УМЕР В МОСКВЕ В ВОЗРАСТЕ 56 ЛЕТ

Москва, 20 сентября (АП). – Д-р Павел А. Заблудовский, всемирно известный ученый, умер сегодня в Москве в возрасте 56 лет. После многолетних экспериментов в Казанском ветеринарном институте профессор Заблудовский пришел к выводу, что человеческая жизнь может длиться в среднем 150 лет, если все ткани и органы будут изнашиваться равномерно. Шесть лет назад он заявил о том, что в результате длительных научных исследований ему удалось создать препараты, которые во многих случаях давали эффект омоложения организма, подобный тому, какого добивались профессора Штейнах и Воронов.

Нью-Йорк – Москва, 11 октября 1935 года

Дорогие, родные Симочка и Риночка!

Нераздельно с вами переживаем наше общее тяжкое горе: мы не можем удержаться от слез и все время скорбим душевно. Великое горе! Горячо любимый брат, муж и отец и какой большой человек ушел от нас! Ваше письмо с дорогой печальной карточкой мы получили два дня назад, но положительно не могли что-либо написать, сердце разрывалось от боли. Первую весть об этом событии мы получили 21 сентября утром из редакции русской газеты, откуда звонил наш приятель и спросил сведения о Пашеньке. Когда я спросил его, зачем понадобилось это, он сказал, что во всех американских газетах напечатаны телеграммы из Москвы о кончине профессора П. А. Заблудовского с сообщением данных о его карьере большого мирового ученого. Я как громом был поражен и не мог никак поверить, воспринять это горе. Мы с Анечкой совершенно были обессилены. У нас была все время какая-то тайная надежда, может быть, это не правда – ошибка! Сейчас уж мы купили американские газеты (Times, New York American) и сами лично прочитали эту ужасную для нас весть. Не дожидаясь сообщения от вас, мы отправили телеграмму и до получения от вас хотя бы короткого сообщения не решались писать. Письмо пришло как раз в день моего Ангела. Мы рыдали, как дети, – нашего родного, бесконечно нам дорогого Пашеньки не стало. Конечно, переносить это горе вместе было бы легче! Боязнь за Пашенькину жизнь у меня явилась после его письма с описанием первого припадка. Мне было ясно, что он – не жилец,

но ведь когда это касается близкого человека, то не хочешь, не можешь этому верить. Я не знаю, получили ли вы наше большое письмо, где мы его умоляли беречь себя. Последнее письмо от Пашеньки мы получили из Кисловодска, где он писал, что чувствует себя хорошо, загорел, посвежел и к 29 августа собирался в Москву. В Кисловодске Пашенька снимался с группой отдыхающих. Если бы можно было получить его карточку оттуда, мы бы очень просили прислать нам. В гробу Пашенька лежит, как будто уснул, лицо спокойное. Нам удалось достать московские газеты «Известия» от 20 и 21 сентября, и мы читали статьи, посвященные памяти Пашеньки, и многочисленные объявления. Если можно, пришлите нам «Правду» от 20, 21 сентября, а также более поздние номера, где есть какие-либо заметки о Пашеньке. В New York'e я нигде не мог достать – все распродано.

В Обществе врачей я выступал со словом, посвященным памяти нашего дорогого ученого. Во всех русских газетах были напечатаны большие заметки. Мы получили лично много сочувствий от самых разнообразных лиц.

Мы служили панихиды в воскресенье 22 сентября, потом на 9 и 20 день со дня кончины. Будем служить на 40 день.

Дорогие родные! Не убивайтесь. Помните, что он всегда был философом. Он ушел преждевременно в расцвете своих умственных и моральных сил, но он жив и будет жить долго, долго. Он оставил глубокий блестящий след в науке – его учение расцветет, углубится и явится самым лучшим памят-

ником о нем!

В наших сердцах он не может умереть. Никакие расстояния не могли ослабить нашу связь, душевную родственность и близость. Любим вас очень. Мы думаем, что вы не должны покидать Москвы и очень просим вас об этом. Ариадна лучше всего может продолжить свою научную работу и стать достойным заместителем своего славного отца. Это можно делать только в центре! Более приятного для памяти Пашеньки она не могла бы сделать. Ведь он был фанатиком науки. Мы понимаем прекрасно, как вам обеим тяжело, мы всегда душой с вами. Мы будем часто писать. Сейчас все в голове путается. Милые, сохраните в неприкосновенности все Пашенькины рукописи и все разберите, когда будете более спокойны. Не уничтожайте ничего – умоляем вас!

Целуем вас очень горячо, крепко обнимаем, как самых дорогих и близких.

Всегда your Аня и Сережа Заблудовские.

Москва, наши дни

Я вошел в кабинет, и в ту же самую секунду на столе зазвонил телефон.

– Ну, сейчас, сейчас!

Я бросил сумку на стул, снял плащ и аккуратно повесил его на плечики. Телефон продолжал звонить. «Кто ж это такой настойчивый?» Я подошел к висевшему на стене календарю и передвинул красную пластиковую рамку. Отодвинул

кресло и сел. Расстегнул пиджак. Бросил в корзину старые газеты. Окинул кабинет взглядом. Кажется, все, больше никаких причин оттягивать разговор не было. Я потянулся к трубке, и в этот момент телефон замолчал. «Ну, и ладно, – подумал я и включил компьютер. – Кофе, что ли, выпить? Спать хочется смертельно...» Но в эту секунду дверь кабинета приоткрылась, и в комнату заглянула секретарь редакции Маша Филимонова.

– Ты почему трубку не берешь, а? – сердито спросила она.

– Меня еще нет, – пробормотал я.

– Нет, ты уже есть, – возразила Маша.

– Это тело мое есть, Мария Викторовна, – сказал я, – а душа еще в пути. Не поспела! Вы, Мария, не смотрели картину «За облаками» с Джоном Малковичем? Там индейцы говорят: мы не можем идти так быстро, наши души за нами не успевают...

– Тоже мне Джон Малкович, – проворчала Маша. – Ну и где твоя душа? На парковке?

– Уже в лифте, – вздохнул я, – сейчас придет.

– Поторопи, – безжалостно потребовала Филимонова, – тут ее, душу твою, с утра какой-то татарин дожидается.

– Татарин? Почему татарин?

– Потому что Адель Гарипович Хабибуллин, – ответила Маша, сверившись с бумажкой. – Знаешь такого?

– Впервые слышу. Чего хочет?

– Тебя хочет.

– И где он, твой татарин?

– В приемной сидит.

Разговаривать ни с кем не хотелось, но деваться было некуда.

– Проси, – махнул я рукой.

– Слушаюсь, барин... – прошипела Маша и исчезла.

«Адель Гарипович? – подумал я. – Кто же это такой?»

Дверь снова отворилась, и на пороге появился молодой человек довольно высокого роста. Волосы у него были набриолинены, как у героев старых американских фильмов. Безукоризненный темный костюм, белоснежная сорочка, узкий галстук-«селедка». Я перевел взгляд на ботинки. Начищены до блеска. В руках гость держал черный кожаный портфель.

«Коммивояжер, – подумал я. – Нет, протестантский проповедник... Сейчас начнет раздавать Библии. “Покайтесь, ибо конец света приблизился!” Хотя почему Библии? Он же, должно быть, мусульманин...»

– Алексей Петрович? – осведомился молодой человек.

– Да. С кем имею честь?

– Хабибуллин Адель Гарипович, – громко и четко произнес гость и, вытянув вперед руку, двинулся к столу.

Я встал и пожал его маленькую, почти детскую ладошку.

– Прошу садиться.

Хабибуллин сел на стул и расстегнул свой портфель. Оттуда он извлек маленький кожаный футлярчик, а из футляра-

чика – визитную карточку, которую протянул мне. Я взял карточку и стал ее изучать. В центре было крупно написано имя владельца, а вверху, рядом с каким-то невнятным логотипом, значилось «Фонд поддержки общественных инициатив».

«Это еще что такое? – подумал я. – За таким названием может скрываться все что угодно! Департамент благих начинаний!»

Пока я читал, Адель Гарипович вынул из портфеля какие-то бумаги и по-хозяйски разложил их на моем столе. Я отложил карточку и стал разглядывать посетителя.

«Совсем мальчишка, – подумал я, – лет двадцать, не больше».

– Так чем могу быть вам полезен, Адель Гарипович?

Юноша Хабибуллин приветливо взглянул на меня и начал:

– Как вы, наверное, знаете, Алексей Петрович, в этом году Казанский ветеринарный институт отмечает свое 145-летие...

Я, разумеется, этого не знал, но решил ни в чем не признаваться и просто кивнул.

– ...В связи с этим в Казани пройдет большая научно-практическая конференция. Наш центр участвует в организации мероприятия...

«Ах, вот оно что! – подумал я. – Он – пиарщик».

– ...Предполагается, что на конференции будут сделаны

доклады, посвященные выдающимся выпускникам института, живым и...

Адель Гарипович на секунду запнулся.

– И мертвым, – помог я ему.

– Да, уже покойным, – сказал Хабибуллин и почему-то улыбнулся. – Доклады о видных ученых – выпускниках института и об их вкладе в мировую науку. Свое участие подтвердили уже более ста человек, среди них ученые с мировым именем. Мы сейчас занимаемся уточнением программы...

«Понятно, – подумал я про себя, – сейчас он предложит журналу быть информационным спонсором, попросит что-нибудь написать об этом чудесном собрании...»

– По результатам конференции предполагается издать сборник статей. И мы решили просить вас, Алексей Петрович, написать для него статью о вашем уважаемом предке... э-э-э... родственнике – академике Павле Алексеевиче Заблудовском, – бодро закончил свою речь Адель.

«Вот это номер!» – ошарашенно подумал я.

А вслух произнес:

– Видите ли, Адель Гарипович, это, конечно, очень лестно. И мне как члену семьи приятно, что в Казанском ветеринарном институте помнят и чтут прадеда, но я ведь не ученый, а – журналист, редактор... Я, конечно, имею представление о трудах Павла Алексеевича...

Это была наглая ложь.

– ...но моих знаний, полагаю, недостаточно, чтобы участвовать в таком сборнике на должном уровне...

А вот это было чистой правдой.

– Одним словом, не стоит ли поручить это человеку более подготовленному? – выдохнул я.

– Алексей Петрович, речь не идет о научной статье в классическом, так сказать, понимании, скорее, о биографической! – воскликнул Адель, смешно всплеснув руками. – Задача конференции – дать широкую картину научной и общественной деятельности выпускников института. Тут не надо будет углубляться в детали. Наше мероприятие, скорее, просветительское и историческое... в смысле, посвященное истории... Тут ваши журналистские умения придутся как нельзя кстати.

Меня вдруг охватило чувство смутной тревоги, причину которой я не мог объяснить. Казалось бы, причин беспокоиться не было никаких – заслуженный прадед, почтенная конференция, безобидный Адель. В чем, собственно, дело? Неясно...

– Откуда вы... я хотел сказать, как вы меня нашли? – спросил я.

– Ну, это наша работа, – скромно сказал Адель, – мы разыскиваем людей, их родственников по всей стране...

– Понятно, – сказал я довольно сухо.

«Проходимец какой-то! Явился тут неизвестно откуда... – подумал я с раздражением, но тут же одернул себя: – Ну, по-

чему сразу проходимец? Он делает свою работу. Ну, допустим, не нравится он тебе, и что? В конце концов, ты можешь просто отказаться... Соврать, что занят, что уезжаешь в отпуск в Кабо-Верде. На два месяца. Эх, хорошо бы на два месяца, да кто же отпустит?... Но, собственно, почему ты должен отказываться? Ведь господин Хабибуллин просит тебя написать о твоём прадедушке, а не о своем. Так чего упираешься? Спасибо ему надо сказать! Да и матери будет приятно. Давно ли ты встречал в печати упоминания о славном предке и его научных трудах? Если уж быть до конца честным, ты их вообще никогда не встречал. Как говорится, а был ли прадедушка? Может, прадедушки-то и не было? Так возьмишь за дело, олух, прославь фамилию!»

– Ну, что же, Адель Гарипович... Повторяю, ваше предложение несколько... э-э-э... неожиданно... И я не до конца уверен, что подхожу для этой работы, но... Пожалуй, я возьмусь за это!

– Алексей Петрович, я очень рад! – расплылся в улыбке Хабибуллин. – Для нас будет большой честью, если вы, потомок знаменитого ученого и журналист солидного столичного журнала, примете участие в нашем мероприятии. Кстати, конференция проходит под патронажем президента Республики Татарстан Минтемира Шариповича Баймухаметова!

– Ну, это – решающий аргумент! – сказал я с усмешкой, но Адель Гарипович, кажется, не расслышал иронии. Он уже собирал свои бумажки.

– Мы хотели бы получить от вас текст где-нибудь через месяц-полтора, – деловито произнес Хабибуллин. – Объем – примерно 12–14 тысяч знаков с пробелами.

«Всю жизнь и деяния Павла Алексеевича Заблудовского мне предстоит упаковать всего-то в четыре журнальные страницы, – недовольно подумал я. И тут же сам себе подивился: – Минуту назад хотел вообще отказаться, а теперь тебе мало. Где логика?» Приходилось признать, что логики в этом не было.

– Очень рад был с вами познакомиться, Алексей Петрович, – произнес Адель Гарипович, поднимаясь.

– Мне тоже было приятно, – ответил я. – Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

– Непременно, – откликнулся Хабибуллин.

Он пожал мне руку, взял свой портфель, развернулся и пошел к двери, весь такой высокий, прямой, черный. «Человек, одетый в черном, учтиво поклонившись, заказал мне Requiem и скрылся... – почему-то пришло мне в голову. – Какой реквием? При чем здесь это?»

Москва, 1970-е годы

О существовании прадеда я узнал благодаря медной табличке, долгие годы украшавшей дверь нашей квартиры на Новинском бульваре. «Профессор Павел Алексеевич Заблудовский» было выгравировано на ней. В детстве табличка эта причинила мне немалые неприятности. Мои дворовые коре-

ша, среди из которых попадались вполне законченные мало-летние преступники, прочитав надпись на табличке, решили, что Заблудовский – это и моя фамилия. Вследствие этого я получил во дворе неблагозвучное и обидное прозвище Лешка-Заблуда. Все мои попытки объяснить, что Заблудовский – это фамилия моего прадедушки, которого я и в глаза-то никогда не видел, и что моя фамилия – Кораблев, ни к чему не привели. Табличка провисела на двери до конца 70-х годов, а потом куда-то исчезла, когда дверь решили обить дерматином.

Кроме таблички с фамилией о прадеде напоминали чашки и молочник из тончайшего полупрозрачного китайского фарфора. Они казались такими хрупкими, что было страшно даже прикоснуться к ним, не то что пить из них.

– Откуда у нас это? – спросил я однажды маму.

– Это прадедушка привез с Русско-японской войны, – ответила она.

Я был поражен. Подумать только, оказывается, прадедушка был участником исторических событий! Я, домашний книжный мальчик, уже одолел к тому времени «Цусиму» Новикова-Прибоя и знал кое-что о провальной политике царизма на Дальнем Востоке.

– А где прадедушка воевал? – поинтересовался я, в душе надеясь услышать про оборону Порт-Артура.

– Не знаю, – ответила мама.

– А в каких войсках он служил?

– В кавалерии, я полагаю.

Вот здорово! Я представил себе прадедушку скачущим в атаку с шашкой наголо, но следующее мамино сообщение меня сильно обескуражило.

– Он лечил казацких лошадей, – сказала она будничным голосом.

– Почему лошадей? – удивился я.

– Потому что он был ветеринар.

Героический образ предка померк. Я видел живого ветеринара. Когда жившая у нас в доме лайка Чарли заболела, лечить ее пришел несимпатичный дядька в мятых брюках и грязноватом халате. Звали дядьку, как сейчас помню, Игорь Евсеевич, и от него неприятно пахло. Видимо, мама почувствовала, что принизила прадеда.

– Он начинал как ветеринар, – поправились она, – вообще-то он был физиологом.

Слово «физиолог» ничего мне не говорило.

– Он изобрел лизаты, – добавила мама что-то уж совсем непонятное.

Услышав это слово, я снова вспомнил Чарли, который любил лизать мне лицо.

– Лизаты? Что такое лизаты? – спросил я.

– Э-э-э... Ну, это такие вещества... специальные, с помощью которых можно лечить разные болезни.

Видимо, мама тоже не слишком хорошо разбиралась в научных теориях Павла Алексеевича Заблудовского.

– Это как лекарства? – продолжал допытываться я.

– Вроде того...

Итак, прадедушка Павел Алексеевич был физиологом и изобретал лекарства. Этого было вполне достаточно для восьмилетнего мальчика. Беда в том, что и сорок лет спустя мои представления о работах академика Заблудовского оставались примерно на том же уровне. В семье обсуждалась, да и то редко, только смерть прадеда. Официальная версия гласила, что Павел Алексеевич почувствовал себя на работе плохо, вернулся домой, где в это время никого не было, прилег отдохнуть, заснул и во сне умер от сердечного приступа. «Благословенная смерть!» – всякий раз повторяла мама. Несколько коротких фраз, которые никогда не менялись и со временем превратились в некий канонический текст. Так это предание и передавалось в нашей семье из поколения в поколение. Так оно дошло до меня, и я впитал его вместе с другими семейными преданиями и мифами. Да, так оно все и было... Но мне отчего-то всегда чудилось в кончине прадеда что-то загадочное, что-то странное.

Москва, наши дни

Взятые мною на себя обязательства делали неизбежным визит на Новинский и истребование у мамы прадедова архива. Я решил не откладывать дело в долгий ящик и в тот же вечер отправился повидать родственников.

...Я вошел в прохладный подъезд и огляделся. Есть места

и предметы, которые остались такими же, какими они были давным-давно, такими, какими их видели люди, которых уже нет... На Новинском все или почти все было так же, как и восемьдесят лет назад. И Павел Алексеевич Заблудовский, который вошел сюда в тот роковой день 19 сентября, видел то же самое, что видел и я. Ну, разве что был еще стол, за которым сидела консьержка. И стены, возможно, были выкрашены в другой цвет. И вообще все было поновее, стекла в парадном – чистые и прозрачные, лак на деревянных перилах – свежий.

Я поднялся к лифту и нажал кнопку вызова. Где-то в вышине мягко ухнул мотор, и механизм пришел в движение. Противовес поплыл вверх, а кабина начала спускаться, как-то по-особенному цокая на каждом этаже. Я помнил все эти звуки с детства. И еще я помнил, каким лифт был раньше – буржуазным, отделанным коричневым деревом, с дверями-половинками, которые надо было открывать и закрывать руками. А еще в кабине был маленький диванчик, чтобы пассажиры могли присесть, и зеркало. Потом этот лифт заменили на другой, более современный. Но мне было жалко, что больше нет того старого лифта. Я всегда любил старые вещи и с трудом привыкал к новым...

Дверь открыла сестра Катерина. Она была на восемь лет моложе меня и жила в нашей старой квартире вместе с мамой и сыном Виктором. Катин муж – наследник грузинских князей, веселый гуляка и редкостный бездельник Георг-

гий Лордкипанидзе – безвестно отсутствовал уже пятый год. Время от времени я заводил с сестрой разговор о том, что надо бы как-то определиться.

– Кому надо определиться? – безмятежно спрашивала Катя, глядя на меня своими прозрачными голубыми глазами.

– Ну, с Георгием определиться...

– Это как же?

– Развестись с ним.

– А можно заочно?

– Не знаю... Наверное. Надо посоветоваться с юристом.

– Надо, – соглашалась Катя, но ничего не предпринимала, и все оставалось по-прежнему.

Я пытался ее вразумить, говорил, что такое положение дел ненормально. Указывал на то, что оно чревато разными осложнениями, в том числе имущественного характера.

– Что ты имеешь в виду? – щурилась Катя. – На квартиру он претендовать не может, она не совместно нажитая.

– Ну а наследство там... Придется делить его между Георгием и Витькой...

– Наследство? Какое наследство? – смеялась Катя. – У меня нет ничего, кроме долгов. К тому же я еще молода и умирать не собираюсь.

– Молода, – соглашался я и заходил с другой стороны: – И можешь встретить хорошего, порядочного человека, с которым...

– С которым что?

– С которым захочешь связать себя узами брака, но не сможешь, потому что двоемужество запрещено, – продолжал канючить я.

– Ах, оставь! К чему все эти формальности? – махала на меня рукой Катька. – Если я встречу, как ты говоришь, порядочного человека, с которым захочу, то не сомневайся, я смогу!

Это было правдой. После бегства князя у Катерины постоянно кто-то был. Иногда она знакомила меня со своими любовниками. И среди них даже попадались симпатичные мужики, но никто не удерживался на первой строчке хит-парада дольше шестнадцати недель. Все довольно скоро отчаливали, не оставляя в Катькиной жизни заметного следа. Я терялся в догадках. За ее нежеланием прервать формальную связь с непутевым мужем что-то скрывалось, но я не понимал что. В остальном жизнь Катина протекала без приключений. Она зарабатывала, строча статьи сразу для четырех журналов одновременно. Катькин сын Виктор к тому времени благополучно окончил школу и поступил на бюджет в Бауманку, чем глубоко поразил все наше гуманитарное семейство. Мама сидела на пенсии и, как сама говорила, «вела дом».

– Привет! – сказала Катерина, пропуская меня в прихожую. – Какими судьбами?

– Привет, – ответил я. – Мама дома?

– Дома. Случилось что?

– Да не случилось ничего. Почему сразу случилось? Зашел вас проведать.

– А-а-а... Ну, раздевайся.

Я повесил куртку на вешалку и поглядел на себя в зеркало. Зеркало было старинное, из какого-то ценного красного дерева, высоченное, уходившее во тьму под потолок.

– Слушай, Кать, а сколько этому зеркалу лет? – спросил я. – Оно при прадеде было?

– Не знаю, у мамы спроси.

– А где она?

– В кабинете.

– Что делает?

– Одно из двух – или переписывается с кем-то в «Одноклассниках», или режется в «тетрис».

– В «тетрис»?

– Да. Она пыталась еще освоить «сапера», но как-то у нее не пошло.

– Понятно. А чем еще она занимается?

– Слушает «Эхо Москвы» или вяжет.

– Вяжет? Что она вяжет?

– Решила связать Витьке шарф на зиму.

– Вас ждет что-то грандиозное. Помнишь, какой шарф она связала мне в десятом классе? Я обматывал его вокруг шеи раз шесть.

– Как не помнить? Но пусть лучше вяжет. Если она ничем не занята, начинает меня воспитывать. Так ты по что при-

шел?

– Было мне сегодня видение...

– Хм! И что же тебе привиделось?

– Явился ко мне человек и заказал статью о прадеде Павле Алексеевиче.

– Ого! А зачем?

– Юбилей Казанского ветеринарного института. Сборник статей о выдающихся выпускниках. Не хочешь ли!

– Ну, что же, очень приятно. Хотя я, честно говоря, очень мало знаю о прадеде и о том, чем он занимался.

– Я знаю не намного больше твоего.

– Хочешь поговорить об этом с мамой?

– Да. И попросить выдать мне архив.

– Ну, архив – это громко сказано. Там не так уж много бумаг.

– А ты откуда знаешь?

– Да перекладывала недавно. Комод старый совсем рассохся. Мы его выкинули.

– Так говоришь, мало бумаг от прадеда осталось?

– Мало.

– Странно.

– Что странно?

– Ну, все-таки известный был ученый, один из первых академиков ВАСХНИЛ, а бумаг не осталось.

– Ну, не знаю, – пожалала плечами Катька. – Я об этом как-то не задумывалась.

– Я вот раньше тоже не задумывался. А теперь задумался. Я сегодня пошарил в Яндексе. И вот что интересно: ссылок вроде бы много, но везде одно и то же – коротенькая статья из Большой советской энциклопедии. Имя, годы жизни, советский микробиолог, патофизиолог, академик, окончил, преподавал. «Теоретически обосновал действие лизатов при некоторых болезнях сельскохозяйственных животных». Все. Точка.

– Ну, знаешь, мы с тобой и этого не удостоимся, – философски заметила сестра. – Много надо работать, милый друг, чтобы потомки помянули тебя хотя бы короткой статьей в энциклопедии. А, кстати, слово «лизаты» я знаю! Когда я его слышала от мамы, то всегда вспоминала Чарли. Помнишь, как он подходил и лизал нас в лицо шершавым синим языком?

– Конечно, помню. А что такое лизаты на самом деле, знаешь?

– Не, не знаю.

– Вот и я не знаю. А как я буду статью-то писать?

– Да, парень, влип ты.

– Тебе смешно.

– Сочувствую.

– Ладно, пойду с матерью потолкую.

– Пойди-пойди, она будет рада.

И Катька вернулась на кухню, а я двинулся по направлению к кабинету. Когда я был маленьким, коридор в нашей

квартире казался мне огромным и напоминал центральные нефы готических соборов, которые я видел в книгах из родительской библиотеки. До того, как родилась сестра, мама работала, и я часто оставался дома один. Тогда я выбирался из детской в коридор и закрывал двери всех выходявших в него комнат. Даже в солнечный день здесь становилось сумрачно. Я садился на пол, и мне казалось, что я в безопасности... Сейчас в коридоре тоже было темновато, горевшая в прихожей лампочка не добивала до дальнего конца, но я знал каждую половицу и уверенно шел вперед. Из-за двери кабинета доносилась тихая приятная музыка. Я постучал.

– Да-да, – послышался мамин голос.

Я открыл дверь и вошел. Компьютер был выключен, мама сидела в кресле и вязала. У нее за спиной, на тумбочке, стоял старый радиоприемник, какая-то станция передавала джаз.

– Привет, ма!

– Здравствуй, сыночек, – сказала мама, откладывая вязание. – Как ты?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, усаживаясь в другое кресло, стоявшее ближе к двери. – Как ты себя чувствуешь?

– Тьфу-тьфу, нормально.

– Я вообще-то к тебе по делу.

– Слушаю тебя.

– Ко мне сегодня приходил человек по имени Адель Гарипович.

– Кто это?

– Довольно странный молодой мальчик.

– И что же ему было от тебя нужно?

– Он предложил мне написать статью о прадеде.

– Вот как? – Мама снова взялась за вязание. – Он говорил с тобой о Павле Алексеевиче?

– Да.

– А откуда он, этот... Адель Гарипович?

– Понятия не имею. Он просто пришел. Гонец судьбы.

– Ты напишешь? Твой прадедушка был крупным ученым...

Я посмотрел в окно и увидел, как ветер раскачивает ветви огромного дуба, росшего на заднем дворе. Раньше его верхушка едва доходила до нашего подоконника, а теперь он вымахал выше шестого этажа...

– Ты меня слушаешь? – спросила мама.

– Да-да... Крупный ученый...

– Так ты напишешь? В конце концов, нас не так часто просят написать о нем...

– Если я откажусь, то ты на меня обидишься?

– Вот еще! – фыркнула мама. – Чего мне обижаться? Я все понимаю, ты занят...

– Дело не во времени. Главная проблема в другом – я толком не знаю, чем занимался прадед.

– Вот и узнаешь, – назидательно сказала мама. – Я всегда мечтала, что ты пойдешь по его стопам, станешь ученым, продолжишь дело.

– Я знаю, мама. Ты мне это уже много раз говорила... Хорошо, я попробую... Не в смысле пойти по стопам, это уже поздновато делать, а сочинить что-то связное. Но чувствую, мне придется очень постараться, чтобы не вызвать хохота научного сообщества. Нужно хотя бы в общих чертах понять, чего же такого прадед натворил. Ты говорила, что после него остались какие-то бумаги...

– Архив, – важно произнесла мама.

– Хотелось бы взглянуть.

– Он на антресолях.

– Над кухней?

– Нет, над ванной.

– Давай я достану.

– Что ты! Куда ты полезешь в костюме?

– Ну, пиджак-то я сниму...

– Не надо! Там пыльно. А главное – я не помню точно, где все лежит... В каком-то из чемоданов, но надо искать. Витька вернется, достанет, а потом тебе привезет.

– Ладно. Просто я сейчас на машине...

– Ничего. Один-два дня ничего не решают. Завтра у Вити лекций в институте нет, вот он и займется.

– Ма, а ты сама прадедовы труды не пыталась читать? – поинтересовался я.

– Пыталась как-то, только не поняла ничего, – рассмеялась мама.

– Ладно, ты не расстраивайся, разберемся, – улыбнулся я

в ответ. – Я пойду, пожалуй.

Я встал и чмокнул маму в щеку. От ее кожи исходил слабый запах духов и лекарств.

– Ну, вот, ты уже уходишь, – огорчилась мама, – а я что-то хотела тебя спросить...

– Что?

– Вылетело из головы.

– Ну, вспомнишь – позвони.

Я направился было к двери, но остановился и обернулся:

– Слушай, ма, а ты помнишь, как рассказывала про яды?

– Какие еще яды? – удивленно вскинула брови мама.

– Ну, про то, что у нас на антресолях хранились какие-то вещества, какие-то сильнодействующие яды. Якобы остались от прадеда.

– Нет, не помню, – помотала головой мама.

– Не может быть! Ты об этом сто раз говорила. Это – одно из семейных преданий. И мне от этих твоих рассказов было немного не по себе. Ведь у нас в доме никогда не хранили оружия или еще чего-то... смертельно опасного. Кроме этого яда.

– Нет, не помню...

– Очень странно. Неужели не помнишь?

– Лешенька, память... она такая... сложная вещь, что-то забываешь, что-то помнишь не совсем так, как это было, – примирительно сказала мама. – Может быть, ты что-то читал... и это у тебя как-то связалось...

– Ладно, следствие зашло в тупик, – усмехнулся я. – Здесь я, как в кино, должен оставить тебе визитную карточку и попросить позвонить мне, если что-нибудь вспомнишь.

– Непременно, детектив.

Я вернулся в прихожую и стал одеваться. Катька вышла меня проводить.

– Ну, как поговорили?

– Поговорили.

– Будешь писать?

– Куда ж я денусь? С архивом, правда, заминка. Он, оказывается, на чердаке...

– Да, мы его туда закинули.

– Мама предлагает задействовать Витьку для его извлечения. Если ты не против...

– Почему я должна быть против?

– Ну, ты его всегда так опекаешь. Вдруг бедный мальчик упадет...

– Не изображай меня сумасшедшей мамашей! – строго сказала Катерина.

– Хорошо, не буду! Просто я помню, как однажды Витя вешал шторы у себя в комнате...

– Так, ты что, издеваться надо мной пришел, да?

– Я над тобой не издеваюсь, разве что подтруниваю слегка.

– Подтрунивает он! На вот, возьми лучше котлеты, я тут жарила. И проваливай!

И она сунула мне в руки пластиковый контейнер, от которого аппетитно пахло свежезажаренными котлетами.

– Проваливаю! – я поцеловал Катю в щеку. – Витьке привет! Жду его с архивом.

– Хорошо, я ему передам.

Москва, наши дни

На следующее утро мне позвонила Марина Любомирская. Вдова моего давнего приятеля и коллеги Славы Любомирского, погибшего за год до этого при не вполне ясных обстоятельствах.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил я. – Как ты?

– Нормально... Как там у вас дела, в журнале?

– Да ничего... Жить можно.

– Понятно, – сказала Марина. – Я что звоню... тринадцатого числа Славина годовщина...

Годовщина! Господи, как я мог забыть?

– Да, я помню.

Я вдруг понял, что не разговаривал с Мариной целый год, с того самого дня, когда похоронили Славу. И мне стало стыдно. Я ничего не знал о том, как она жила все это время.

– Я хочу в пятницу... собрать наших, – продолжала Марина. – Народу будет не очень много, все свои. Придешь?

Ах ты, господи! Пятница была в журнале подписным днем, и я обычно заканчивал работу поздно. Но отказывать-

ся было нельзя! «В случае чего попрошу кого-нибудь меня подменить», – подумал я.

– Да, конечно, приду.

– Спасибо, – тихо сказала Марина.

– А где собираемся? У вас... у тебя? На Тверской-Ямской?

– Да.

– Я приду, – повторил я.

Я знал Славу Любомирского с незапамятных времен. Мы познакомились в конце 80-х в отделе городских новостей «Вечерней столицы», куда я пришел после университета. Слава, который окончил журфак на несколько лет раньше, взял одноклассника под крыло. Я поначалу фыркал и брыкался, стараясь всячески показать свою независимость, но потом мы как-то притерлись друг к другу и подружились. Когда в середине 90-х образовался «Перископ», Славка перешел туда на должность редактора отдела расследований и вскоре перетащил в журнал и меня. Несколько лет мы с ним и еще несколькими ребятами вели в «Перископе» хронику бандитских разборок и финансовых афер. Время было веселое, хотя и нервное. На нас постоянно наезжали разные темные личности, но мы по молодости и по глупости ничего не боялись. Почему-то были уверены, что с нами ничего не случится... Наши отношения со Славой не были ровными, но я уважал его и считал хорошим журналистом. Правильным. Он говорил: мы, СМИ, – цепные псы демократии,

мы всегда против власти, и еще мы всегда за слабых против сильных. Поэтому, пока в стране правили олигархи, он разоблачал нечестные схемы залоговых аукционов и финансовые пирамиды, а потом, когда власть переменилась, стал рассказывать, как гэбисты крышуют контрабанду и обналичку. Жизнь это ему, понятное дело, не облегчало.

В начале 2000-х в «Перископе», как и в стране, сменились владельцы. Прежние акционеры продали свои доли какой-то подставной компании с никому ничего не говорившим названием, а главред Сосновский, интеллигент старого советского засола и защитник Белого дома, ушел на пенсию. Новым начальником стал некто Гребешков, тихий, неприметный человек, до прихода к нам занимавший небольшую должность в Администрации Президента. Сутью новой редакционной политики он объявил «взвешенность», которая, как вскоре стало понятно, означала отказ от критики Кремля и его друзей. Любомирский и еще несколько «стариков» подали заявления об уходе. Он звал с собой и меня, но я остался... Спустя некоторое время Слава основал новое интернет-издание, которое, не мудрствуя лукаво, назвал «Проектом». Там он продолжал заниматься своим любимым делом – наступал на мозоли власть предержащим. Со временем стал известным человеком и даже баллотировался в Думу от одной из демократических партий, правда, неудачно. Мы редко виделись, а когда встречались, то обычно вспоминали старые времена и перебирали общих знакомых – кто,

где и что делает. Последний раз я видел его незадолго до смерти, мы случайно столкнулись в сквере у высотного здания на Кудринской площади...

– Слушай, Марина, а что слышно о Славином деле? Я имею в виду расследование...

– Ничего не слышно. На полицейском жаргоне это, кажется, называется «висяк»... Я думаю, если бы они могли, то давно списали бы дело в архив.

Славу нашли ночью во дворе дома на Ленинградском шоссе. Экспертиза выяснила, что смерть наступила в результате падения с высоты. Спустя несколько дней всплыли кое-какие подробности, но ясности они не добавили. Так, полиция установила, что Слава выпал из окна квартиры на восьмом этаже. Хозяева, жившие в соседнем доме, сдавали ее в аренду на сутки или на несколько часов. Чаще всего их клиентами бывали влюбленные парочки. В тот день Любомирский по телефону забронировал апартамент, приехал за десять минут до назначенного времени и взял ключ... И после этого живым его уже не видели. Узнав про квартиру, многие подумали, что у Славки было свидание, но никаких следов присутствия в квартире другого человека не обнаружилось. Шума или движения соседи не слышали.

– Так и не выяснили, с кем он должен был встретиться в тот вечер?

– Нет.

– А у тебя никаких идей?

– Никаких.

– Прости... а может, все-таки там женщина была замешана?

Марина фыркнула:

– Нет. Про его женщину я все знала. Она в Теплом Стане жила. Профурсетка! Ее допросили...

Я усмехнулся про себя. Значит, Славик все-таки погуливал...

– И что?

– Ничего. Похоже, она не причастна.

– А чем Слава занимался... ну, перед тем, как это все случилось?

– Да много чем занимался... Ты же сам знаешь, у них там все время была какая-то напряженка. То про Росгвардию что-то не так напишут, то про «Газпром»... Вечно на них кто-нибудь в суд подавал... Но это все было как-то... штатно.

– А «дело Манюченко»? – спросил я.

Мне показалось, что на том конце возникла какая-то секундная, едва уловимая заминка.

– А что «дело Манюченко»?

– Ну, Слава вроде бы расследовал его... Даже, говорят, в Англию ездил.

– Я не знаю, Леша. Он мне ничего про это не рассказывал...

– То есть, ты считаешь, что Славу не любили многие, но

никто настолько сильно, чтобы убить?

– Можно и так сказать, – тихо проговорила Марина.

– А самоубийство? – осторожно спросил я. – Ты это исключашь?

– Самоубийство? С чего вдруг? Злая жена замучила? – презрительно фыркнула Марина. – Для самоубийства нужно хотя бы плохое настроение... А ничего такого не было, поверь!

– Еще мог произойти несчастный случай...

– Как ты себе это представляешь? Пришел человек в чужую квартиру и стал окна протирать?

– Ну, тогда остается... Вот наш общий знакомый Балагуров уверен, что Славу убили агенты мировой закулисы.

– Балагуров – псих!

– Это – правда, но так умеет всех накрутить, что невольно начинаешь думать, а вдруг в этом что-то действительно есть...

– Но я его тоже позвала...

– Кого?

– Балагурова.

– Зачем?!

– Ну, они все-таки со Славой долго вместе работали...

– Ну, смотри, мать! Напьемся все и переругаемся...

– А вы постарайтесь не переругаться.

– Хорошо, Мариш, ты держись! Увидимся!

– Приходи, я буду очень рада тебя видеть.

– До встречи!

Москва, наши дни

После разговора с Мариной я сидел с минуту, тупо глядя в монитор компьютера. Потом взял мышку и кликнул папку «Разное», лежавшую у меня на рабочем столе. Туда я складывал документы и сообщения СМИ, которые, как мне казалось, могут пригодиться в будущем. Не всегда мои ожидания оправдывались, некоторые файлы лежали без движения годами. Я быстро нашел файл под названием «Дело Манюченко» и открыл его...

10 июля 2016 года российского бизнесмена Александра Манюченко нашли мертвым неподалеку от его дома в городке Уэйбридж на юго-востоке Англии. Как рассказала его гражданская жена Джейн Кокс, в тот день около девяти утра Манюченко отправился на обычную утреннюю пробежку и не вернулся. Спустя два часа женщина подняла тревогу. Тело Манюченко обнаружили на холме в уединенной части парка. Он сидел на скамейке, и со стороны могло показаться, что он просто задремал.

Александр Борисович Манюченко был фигурой колоритной. Типичный герой эпохи первоначального накопления, он сколотил состояние на спекуляциях валютой и темных операциях с долгами бывшего СССР. Ходили слухи, что Манюченко был в свое время замешан и в аферах с «чеченскими авизо», но, как говорится, не пойман – не вор... К концу

90-х Александр Борисович заматерел и стал настоящим богачом. Он владел несколькими горнорудными компаниями и довольно крупным коммерческим банком. Когда власть в стране переменилась, никто и подумать не мог, что круто переменится и судьба Манюченко. Казалось, при таких деньгах и возможностях ему не о чем было беспокоиться. Конечно, новый президент не понравился многим крупным предпринимателям, но недовольным никто не мешал тихо уехать из страны и заселиться в заранее приобретенные дома где-нибудь в Монако или во Флориде. Так поступили многие, но не Манюченко. Тут вдруг выяснилось, что у этого человека были политические убеждения. Он оказался не беспринципным зарабатывателем денег, а вполне идейным либералом. Из всех возможных линий поведения бизнесмен выбрал наихудшую для себя – обозвал новую власть земляными червяками и стал финансировать оппозицию. Разумеется, это не могло кончиться для него хорошо. По мере того, как страна погружалась, ну, если не во тьму, то, по крайней мере, в сумерки, жить Манюченко становилось все труднее. Наконец, то ли в двенадцатом, то ли в тринадцатом году против него завели дело об уклонении от налогов и мошенничестве в особо крупных размерах, и Александру Борисовичу пришлось спешно распродать активы и уехать в Лондон. Оттуда он продолжал «звонить в колокол», финансировать различные политические и гражданские кампании на родине и всячески досаждал российскому правительству. Ходили также

слухи, что он писал книгу мемуаров, в которой многие высокопоставленные кремлевцы представляли в не самом лучшем виде. Однако в свет этот труд так и не вышел.

Хотя почти сразу причиной смерти 48-летнего бизнесмена был объявлен сердечный приступ, в британской прессе появились предположения об отравлении. В России историю смерти Манюченко каждый толковал по-своему, в зависимости от своих политических предпочтений. Проправительственные издания и каналы поначалу вообще пытались ее замолчать, но когда скандал разгорелся, стали передавать официальную точку зрения: Москва к этому не причастна, а все «дело Манюченко» – вранье и провокация враждебных России сил, пытающихся опорочить и вбить клин... Напротив, немногочисленные либеральные издания и интернет-ресурсы подхватили версию отравления и вспомнили обо всех убитых советскими спецслужбами беглых разведчиках и диссидентах, начиная с Игнатия Рейсса. Одним из тех, кто активно разрабатывал версию убийства Манюченко, был главред «Проекта» Слава Любомирский. Говорили, он даже ездил в Лондон и встречался там с какими-то неназванными представителями британского правительства... Мог интерес к «делу Манюченко» стать причиной покушения на Любомирского? Определенного ответа на этот вопрос не было, но меня, как и во время недавнего разговора с ангелоподобным Хабибуллиным, вдруг охватило чувство тревоги, причину которой я не мог себе объяснить. Помедлив еще се-

кунду, я закрыл все файлы и папку «Разное».

Москва, наши дни

Два дня спустя, в субботу утром, в дверь позвонили. Я открыл и увидел на пороге своего дорогого племянника Виктора Георгиевича Лордкипанидзе, здорового, румяного детину лет восемнадцати. В руках он держал большую картонную коробку из-под корейской микроволновки.

– Принимайте груз, дядя Леша, – бодро объявил Витька.

– «Заходи, заходи, светлый ходок!» – приветствовал я его фразой из какого-то давнего юмористического рассказа.

Витька вошел в прихожую и оглянулся по сторонам.

– Куда поставить?

– Да ставь здесь, я потом разберусь. Чаю хочешь?

– Не, дядя Леша, – откликнулся Витя. – Идти надо. Дела!

– Ну, ты хоть два слова-то скажи... Как учеба?

– А что учеба? Идет потихоньку.

– Что нового?

– Да ничего... А! Я тут с Ксенией недавно общался, – спохватился Витя.

Моя дочь Ксения натурально приходилась Вите двоюродной сестрой. Разведясь со мной, моя бывшая жена Елена Викторовна Новожилова отбыла на ПМЖ в Канаду и забрала ребенка с собой. Я не препятствовал. С Ленкой мы не общались, а с Ксюхой время от времени переписывались в мессенджере, реже – говорили по скайпу.

– Ну и о чем же говорили?

– Обо всем понемногу. В университет она собирается поступать...

– Да, про это я знаю...

– Еще парень у нее появился. Бойфренд.

– Бойфренд? Ну-ка, ну-ка... Что-то она про бойфренда мне ничего не рассказывала.

– Дядя Леша, только, чур, между нами! Не закладывайте меня! А то вроде получается, что я сплетничаю.

– Могила! Так что за парень-то?

– Зовут его Стив...

– Степа по-нашему... Он не из украинцев, случайно?

– Не могу знать, фамилия у него вроде бы английская

– Лейн...

– Значит, Стивен Лейн. Звучит недурно. И что, там все прямо так серьезно?

– Ну, не так чтобы совсем-совсем серьезно... Но к родителям его она уже ездила знакомиться.

– Ого! Они что, вместе в колледже учились?

– Не-е-т... Я так понимаю, Стив этот постарше Ксюхи.

– Постарше – это как?

– Ну, лет на восемь.

– Хм... И кто же он? Ну, в смысле чем занимается?

– Он по финансовым делам. Рулит в каком-то инвестиционном фонде. Только слово какое-то другое... Это фонд, который финансирует всякие новые бизнесы, стартапы раз-

ные...

– Венчурный?

– Точно – венчурный! Ксюха мне даже название написала, но я забыл.

– Интересно. И во что же они вкладываются?

– Ну, это я не спрашивал.

– И давно они... это... со Стивом встречаются?

– Точно не знаю, но несколько месяцев...

– Понятно...

– Да вы не волнуйтесь, дядя Леша! Ксения – девушка правильная, она глупостей делать не будет.

– Ты меня успокоил. Но выйти замуж за инвестиционного банкира, может быть, – очень даже не глупость.

– А что это я вам притащил? – спросил Витька, пнув ногой стоявшую на полу картонную коробку.

– А тебе что, мама с бабушкой не сказали?

– Нет, они только командовали, – усмехнулся Виктор, – загнали меня на антресоли, на верхотуру, и давай руководить: там посмотри, сям посмотри. Я – им: что ищем? Они: коробку картонную. А там темень, пыль, да еще не разогнуться. Ползаешь на карачках, на останки каких-то дореволюционных велосипедов натыкаешься. Реально покалечиться можно. Жуть! Я оттуда вылез весь в паутине... Так ради чего страдал?

– Это, Виктор, бумаги твоего прапрадедушки – академика Заблудовского.

– Ух ты! А зачем они вам?

– Мне заказали статью о нем, – сообщил я.

– И много заплатят? – заинтересовался Витька.

– Боюсь, Витенька, ничего не заплатят, это – некоммерческий проект, имиджевый.

– А кто он был, прапрадед?

«Вот опять этот вопрос», – подумал я.

– Твой прапрадед, Витек, был видным советским ученым-физиологом.

– Физиологом? А это что такое?

«Вот сейчас он засыплет меня уточняющими вопросами, и я провалюсь», – с тревогой подумал я.

– Физиология – это часть биологии, – заявил я с важным видом.

Витька, услышав знакомое слово, заулыбался.

– Я в школе по биологии не успевал, – радостно сообщил он мне, – к тому же училка нам попалась контуженая, Евгения Ивановна...

– Это та, которой вы дымовую шашку в кабинет подбросили?

– Точно! А вы помните, дядя Леша?

– Еще бы! Такое не забывается. Скандал-то был какой! Если бы вас, балбесов, поймали, из школы бы точно выперли!

Мы поболтали еще пару минут, и Витька собрался уходить. Уже в дверях он спохватился и воскликнул:

– Тьфу! Вот балда! Чуть не забыл! Мама вам еще тут про-
сила передать. Отдельно.

И Витя извлек из кармана небольшой сверток, обмотан-
ный пленкой и заклеенный скотчем. Рассмотреть, что там
внутри, было невозможно. Я взял сверток и взвесил его на
руке. Он был совсем легким.

– Ну, я пошел, дядя Леша, – бодро заявил Витька, нама-
тывая на шею шарф.

– Спасибо тебе, Витя, за помощь, – сказал я.

– Не за что! Напишите статью – дайте почитать.

– Непременно. Маме с бабушкой – привет!

– Обязательно.

Виктор ушел, а я постоял еще несколько секунд в прихо-
жей, рассматривая загадочный сверток. Потом пошел на кух-
ню, взял нож и осторожно рассек пленку. Внутри оказался
еще один слой упаковки – из бумаги. «Узнаю сестру Катю, –
подумал я, – всегда аккуратная, другая побросала бы все в
пакетик, и баста!» Я вскрыл бумажную обертку, но не очень
ловко, и на стол с громким стуком выпали три предмета – две
небольшие прямоугольные деревяшки и маленький метал-
лический кругляш с кольцом. Я повертел в руках сначала
одну деревяшку, потом другую. Это были угловые штампы,
такие в прежние времена ставили на документы. Они были
очень старые, ручки отломаны, полировка на дереве совсем
облезла, а печатающая поверхность покрылась толстым сло-
ем засохших чернил фиолетового цвета. Я попытался разо-

брать надписи, но не смог. Различить удалось только отдельные буквы и символы «уп», «№», «оюз». Я встал и принес из ванной комнаты ватные диски, которые забыла после нашего последнего свидания моя подруга Алина. Достал из шкафа бутылку с ацетоном, смочил несколько дисков и начал осторожно, слой за слоем, снимать со штампов засохшие чернила и грязь. Затем сходил за чистым листом бумаги, положил его на стол и крепко прижал один из штампов. Отняв печать от листа, я увидел, что не все буквы пропечатались как следует, но в целом надпись читалась.

– Лечебно-санитарное управление Кремля, – прочитал я вслух. – Ничего себе! Откуда это?

Я взял сверток, из которого вывалились штампы, и заглянул внутрь. Там лежал маленький листок, вырванный из блокнота. На листке размашистым Катькиным почерком было написано: «Леша! Нашла это в ящике письменного стола в кабинете. Мама говорит, прадедовы. Может, тебе пригодится?» «Хорошие штампики у вас в столе хранятся, – подумал я. – Какое отношение прадед имел к Кремлю?» Отложив штамп Лечсанупра, я взялся за второй, и вскоре на бумаге появился новый оттиск: «Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). Гистологическая лаборатория». Третий предмет, металлический кругляш, оказался именно печатью прадеда, по кругу шла надпись «Профессор П. А. Заблудовский».

Я перетащил из прихожей в кухню принесенную Витей

коробку и открыл ее. Бумаг внутри было действительно не очень много. Сверху лежала старая, пожелтевшая от времени газета. «Правда» от 26 января 1935 года. На первой полосе портрет Куйбышева в траурной рамке. «Правительственное сообщение... 25 января 1935 года в своем рабочем кабинете от склероза сердца скоропостижно скончался Валериан Владимирович Куйбышев, первый заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Оборона, председатель Комиссии Советского Контроля, член Политбюро Центрального Комитета ВКП (большевик)... Перестало биться сердце верного ленинца... Страна склоняет свои знамена... Оборвалась боевая жизнь... Выдающийся государственный деятель...» Я осторожно развернул газету и внимательно просмотрел ее. В номере не было ничего, что касалось бы профессора Заблудовского и вообще науки. Почему эта «Правда» попала сюда? Я отложил газету и извлек из коробки темно-коричневую книгу в твердом переплете. Обложку украшал тисненый портрет прадеда. «Академик П. А. Заблудовский, – прочитал я. – „Проблемы сперматоксинов и лизатов“». Роскошь какая! Прямо академическое издание! Почему я раньше не видел эту книгу? «Не интересовался», – сказала бы мама. Я раскрыл том и посмотрел выходные данные. Подписано в печать 11 января 1938 года. Судя по всему, это был посмертный сборник трудов Павла Алексеевича. «Очень хорошо, что все статьи собраны в одном месте, – подумал я. – Это облегчает задачу,

хотя все равно придется повозиться. Четыреста с лишним страниц сугубо научных текстов...» Я взвесил том в руке и отложил его в сторону. И снова полез в коробку. Там лежала еще одна книжка – потоньше, не такая капитальная, как первая. «„Материалы о гистолизатах проф. П. А. Заблудовского. История и теория вопроса. – прочитал я. – С предисловием заслуженного деятеля науки Д. Д. Плетнева“ ... Хм, уж не тот ли это Плетнев, которого потом репрессировали? Да, наверняка тот самый. Мама столько раз говорила, что прадед знал их всех лично, кремлевских врачей, которых потом ликвидировали...» Я стал вынимать из коробки пожелтевшие от времени газеты и научные журналы. «Юбилейный сборник, посвященный проф. П. А. Заблудовскому, 1929 год», «Архив биологических исследований, № 2, 1931», «Труды Государственного института ветеринарии, 1930», «Коневодство и конезаводство, № 95, январь 1931 года»... Господи, как же сквозь все это пробраться? С чего начать?

Я еще порылся в коробке и достал оттуда старенький, сильно потертый коричневый портфель с приделанной к нему серебряной биркой, на которой было выгравировано «Дорогому Борису в день рождения. 25 апреля 1935 года». «Интересно, кто этот Борис? – подумал я. – И почему предназначенный ему подарок оказался здесь?» Открыв портфельчик, я извлек на свет два ветхих листка бумаги с расплывающимся, нечетким машинописным текстом. На первой странице заглавными буквами было напечатано «Авто-

биография П. А. Заблудовского»...

Москва, 1 февраля 1935 года

Накануне нового, 1935 года, Павлу Заблудовскому позвонили из Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук и попросили написать автобиографию. Он не стал спрашивать зачем, догадывался. В начале декабря у Заблудовского состоялся разговор с президентом академии Вавиловым. От него Павел Алексеевич узнал, что вопрос о выдвижении его в академики ВАСХНИЛ практически решен. Видимо, поэтому и понадобилась автобиография... Профессор осведомился, насколько подробным должно быть жизнеописание.

– Много писать не надо, Павел Алексеевич, две-три странички, – сказали ему.

– Хорошо, – сказал Заблудовский.

Он решил, что займется автобиографией сразу после Нового года. Но шли дни, а он все никак не мог взяться за дело. В 20-х числах совсем уже собрался, но 25 скоропостижно умер его пациент Валериан Куйбышев. Это событие так взволновало профессора, что несколько дней он не мог больше ни о чем думать. Но тут ему снова позвонили из академии и напомнили. Деваться было некуда. Вечером 1 февраля Павел Алексеевич закрылся у себя в кабинете на Новинском, сел за письменный стол, взял чистый лист бумаги и вывел на нем красивым округлым почерком: «Автобиография профессора П. А. Заблудовского». Немного подумав, напи-

сал: «Родился 12 мая 1879 года в предместье города Казани – Адмиралтейской слободе. Отец мой был капитаном волжского парохода Общества „Самолет“...»

Павел Алексеевич вспомнил старый дом на Охотной улице в Адмиралтейской слободе, где когда-то давно жила вся их большая семья. У Алексея Трифионовича Заблудовского и его жены Натальи Степановны было семеро детей – Алексей, Андрей, Ольга, Анна, Елена, Павел и Сергей. Алексей Трифионович скончался, когда Павлу было пять лет. Вроде бы и не маленький уже, но сколько Павел Алексеевич ни напрягал память, не мог вызвать никаких воспоминаний об отце. Ни слов, сказанных им, ни звука голоса, ни даже лица. И когда потом сестра Ольга показывала ему на старых фотографиях невысокого человека со слегка выпученными светлыми глазами и пышными усами и говорила «Это – отец!», ничего не шевелилось у него внутри. Нет, не помнил. Только какие-то обрывки, смутные образы, похожие на сны. Вот сидит в комнате человек в кресле-качалке и курит папиросу, и Павел откуда-то знает, что это – отец. На человеке рубашка в полоску и жилетка. Из кармана жилетки свисает золотая цепочка, на конце цепочки – часы. Время от времени человек вынимает часы из жилетного кармана и открывает крышку, и тогда слышится тихий мелодичный перезвон. Часы притягивают маленького Павла, ему смерть как хочется посмотреть на них поближе, но он не смеет просить... Куда делись эти часы после смерти отца? Достались кому-то из старших братьев?

Или были проданы, ушли за долги? А вот мать, умершую на год раньше отца, Павел почему-то помнил яснее. Высокая бледная женщина с расчесанными на прямой пробор волосами сидит на кровати. Впрочем, все это не нужно писать.

«...В возрасте пяти лет я остался круглым сиротой, воспитали меня сестры, из которых одна в то время была преподавательницей французского языка в женской гимназии, а другая давала частные уроки. Образование я получил сначала в семье под их руководством...»

Ольга и Анна. Они заменили младшим родителей. Посвятили себя семье. Так и остались незамужними. Это тоже не надо писать...

«...Восьми лет я поступил в образцовое училище при Казанском учительском институте, из которого перешел затем в 1-ю Казанскую классическую гимназию...»

«Перешел! Выгнали меня из училища из-за спора с учителем Закона Божьего, – усмехнулся про себя Заблудовский. – По нынешним-то временам это, пожалуй, заслуга... Вроде как атеистическая пропаганда. Ах, ладно, пропустим!»

«В 1898 году я поступил в Казанский ветеринарный институт...»

Павел Алексеевич снова остановился и задумался. В начале 90-х годов самый старший из братьев Заблудовских, Алексей, связался с какими-то сектантами и ушел в Сибирь. Про него так и говорили: не уехал, а именно ушел. Больше об Алексее никто ничего не слышал... За старшего в семье

остался Андрей. Он взвалил на себя всю их большую семью и потащил. Человеком был строгим, расхлябанности не терпел. Говорили, что отец, Алексей Трифонович, был человек непутевый и умер от пьянства, но в семье об этом вспоминать не любили. Известно было только, что брат Андрей сам не пил и младшим не велел. Обычно спокойный и рассудительный, он приходил в бешенство, если кто напивался. Однажды Павел перебрал на студенческой пирушке и пришел домой сильно навеселе. Так Андрей Алексеевич схватил его за шкуру, вытащил во двор и стал макать, как щенка, в бочку с водой, приговаривая: «Я те покажу, как водку жрать! Я те покажу...» А старшая из сестер, Ольга, бегала вокруг и причитала: «Андрюшенька, отпусти его, Христа ради... Он больше не будет!» Павел Алексеевич усмехнулся, вспомнив эту историю... Так вот Андрей был просто одержим идеей выбиться в люди и братьев своих вывести. И путь для этого видел один – образование. Он первым проторил дорожку в Казанский ветеринарный институт, но, проучившись там три года, бросил и поступил на юридический факультет университета. А вот младшие братья – Павел и Сергей – так и пошли по ветеринарно-медицинской линии...

«Я окончил институт в 1902 году со степенью „Ветеринара cum eximia laude“ (с отличием). Был оставлен при институте для подготовки к научной деятельности, но так как в бытность студентом пользовался стипендией Военного ведомства, то последнее не отпустило меня, и я был назначен

ветеринарным врачом в Уссурийский Казачий дивизион на Дальний Восток...»

Да, денег в семье было мало, потому и стипендия Военного ведомства. «Дорого она мне обошлась, стипендия эта, – подумал Заблудовский. – А что было делать? Без этих денег вообще ничего...» Он снова взял ручку.

«...На Дальнем Востоке я провел исключительно тяжелую жизнь, мыкаясь по Уссурийскому краю и Маньчжурии – от Порт-Артура до Харбина по глухим захолустьям и по военным постам, где не было ни людей, ни культурной жизни. Здесь я начал усиленно заниматься медициной и бактериологией с целью оставить ветеринарную службу и поступить на медицинский факультет...»

Теперь, вспоминая о тех временах, Павел Алексеевич понимал, что именно там, на Востоке, в соприкосновении с традиционной китайской медициной, он усвоил некоторые идеи, которые впоследствии легли в основу его теории. Взгляд на организм как на единое целое, все части которого взаимосвязаны. Мысль о необходимости поддержания баланса всех систем и органов, тела и духа, как непременном условии здоровья и долголетия. Но свое собственное здоровье он в Китае подорвал...

«...Вследствие переутомления я заболел «неврозом сердца» и был уволен в запас. Неожиданно вспыхнувшая Японская война вернула меня назад в полк. Я был назначен исполнять обязанности старшего ветврача в передовом Кон-

ном отряде генерала Мищенко. Вынес тяжелый Корейский поход, где был во всех боях и стычках. После Тюренченского боя наш полк отошел к Ляойяну. Я снова заболел и на этот раз был уволен в отставку (10 октября 1904 года)...»

Заблудовский перевел дух. Пришло время переходить к самой интересной для него части автобиографии – к научной деятельности.

«...Вернулся в Казань, где с 1 января 1905 года занял должность сверхштатного ассистента при Бактериологической станции Казанского ветеринарного института. С этого времени для меня начинается новая жизнь. Я весь отдался науке. Под личным руководством профессора Степанова, большого знатока не только в области ветеринарии, но и медицины, я проработал весь курс бактериологии и иммунологии. Стал интересоваться смежными дисциплинами (биохимией, коллоидной химией, общей патологией, физиологией, фармакологией), брал специальные уроки, учился делать клинические обследования и пр. В vacationное летнее время я производил прививки и ездил по большим городам (Москва, Петербург, Саратов и др.), где посещал лаборатории, музеи, институты, знакомился с новыми методами исследования, новыми идеями...»

«Да, славное было время, – подумал Павел Алексеевич. – Жадность была какой-то до жизни, до знаний... И надежды, и мечты о славе, и уверенность, что все получится... И смерть Ольги стала, конечно, страшным ударом». К то-

му времени брат Андрей женился и жил отдельно, а сестра продолжала опекать младших братьев, они жили одним домом... Ольга умерла внезапно, от апоплексического удара, инсульта, как теперь говорили. Ей было сорок с небольшим. Павел Алексеевич тяжело переживал кончину сестры, но уже тогда невольно смотрел на это трагическое событие глазами ученого. Он впервые задумался о том, что организм, как правило, гибнет из-за слабости одного звена. Все жизненно важные органы здоровы, и только один дает сбой, и это становится причиной катастрофы. Вот если бы найти такое средство, которое поддерживало бы работу всех органов в нормальном состоянии, чтобы они изнашивались равномерно...

Да, вся жизнь перевернулась, думал Павел Алексеевич. Вот когда он по-настоящему почувствовал свое сиротство. Не в детстве, когда умерли родители, а тогда... Заблудовский до сих пор помнил охватившее его ощущение пустоты. Он просто физически не мог оставаться в доме, где все напоминало ему о сестре. Он задыхался, нужна была перемена...

«...И я перешел на службу в Москву врачом для командировок при Военно-ветеринарном управлении...»

Это было спасительное решение. Павел Алексеевич вспомнил, как с головой погрузился в работу, много ездил по Центральной России – Тула, Калуга, Курск, добирался и до Северного Кавказа. Постепенно боль притупилась, и через год его снова потянуло домой.

«...Я вернулся в Казань, занял прежнее место и стал готовиться к экзаменам на степень магистра, которые с успехом выдержал. В 1910 году я защитил диссертацию и получил степень „магистра ветеринарных наук“. С этого времени я стал получать предложения занять ответственные должности в больших городах: Москве, Варшаве, Киеве и других, но я тяготел к родному городу, тем более что здесь также открылась возможность получить профессию. Я делал доклады, которые давали мне возможность выдвигать те вопросы, над которыми я работал, в частности о значении продуктов белкового распада для обмена веществ. В том же году я выступил с официальными лекциями *pro venia legendi*. Лекции прошли для меня исключительно успешно...»

Заблудовский снова отложил ручку. Да, исключительно успешно, с улыбкой подумал он. На одну из его лекций пришла двадцатилетняя Сима Болотникова. Пришла случайно, за компанию с подругой, студенткой-медичкой. Нашлись общие знакомые, после лекции их представили друг другу. Взаимный интерес возник сразу. Серафима с восхищением смотрела на интересного молодого человека, перспективного ученого, восходящую научную звезду. Через несколько месяцев он сделал предложение, Сима сразу согласилась. Оба считали, что сделали хорошую партию. А потом родилась Ариадна... Заблудовский любил вспоминать это время – время успехов и подъема во всем – и в работе, и в личной жизни...

«...11 мая 1912 года я получил звание приват-доцента, и мне был поручен курс микробиологии с учением об инфекции и иммунитете. Такой курс в то время был впервые открыт в Казанском ветеринарном институте. В Университете такого курса не читалось, и поэтому мои лекции привлекли большое число слушателей, среди которых были чужие студенты, преподаватели и даже профессора. В общественном мнении (неофициально) я считался уже профессором. Я был первым кандидатом на двухгодичную заграничную командировку в Париж, но этому, к сожалению, не суждено было осуществиться ни в то время, ни позднее. Я никогда не был за границей...»

Да, не суждено было осуществиться, вздохнул Заблудовский, не суждено...

«...В 1914 году началась Империалистическая война, я был призван в действующую армию и назначен старшим ветврачом в 7-ю Сибирскую артиллерийскую бригаду. Был в делах и походах в Восточной Пруссии в составе 3-го Сибирского корпуса. В 1915 году был возвращен в Казань для заведывания Бактериологической станцией и проведения курса бактериологии. В июле 1917 года прошли новые ветеринарные штаты, и я был утвержден доцентом. Через год назначен экстраординарным профессором, как имеющий полный профессорский стаж. Со времени революции...»

Тут Заблудовский снова прервал работу и крепко задумался. Он подошел, пожалуй, к самому трудному месту. Еще

только начиная свое жизнеописание, он уже думал о том, что напишет... или не напишет, когда дойдет до революции. Строго говоря, скрывать и бояться Павлу Алексеевичу было нечего. Он не примкнул к Белому движению и не участвовал в вооруженной борьбе против нынешней власти. Как и многие русские интеллигенты, он хорошо принял Февральскую революцию, считал, что монархия обветшала и что стране нужны перемены. Но с октябрьским переворотом было иначе, его Заблудовский не одобрил. Вернее, не так... Он не придавал ему значения. И не понимал, почему так кипятился брат Андрей, кричавший, что власть в стране захватила «банда политических авантюристов и мародеров». Даже младший брат, смешливый и легкомысленный Сергей, как-то вдруг посерьезнел и насупился. Павел Алексеевич объяснял это влиянием старшего брата. «Напрасно Андрей так его возбуждает», – думал он. Сам средний Заблудовский, занятый своими научными исследованиями, о политике думал мало. Был уверен, что большевики долго не продержатся и что через несколько недель или месяцев все вернется на круги своя. Да еще шутил! В конце 1917 года Павла Алексеевича избрали секретарем совета Казанского ветеринарного института. Так он при встрече со старшим братом любил говорить: «Я теперь, Андрюша, тоже советская власть!» Андрей выходил из себя, плевался и ругался. Павел Алексеевич снова взялся за перо.

«...За это время моя научная работа изменилась. Я стал особенно интересоваться эндокринологией и стремился эти

дисциплины (иммунологию и эндокринологию) увязать вместе. Взял еще курс общей патологии. Патологическая физиология настолько меня заинтересовала, что я стал мечтать о занятии этой кафедры как основной...»

В Казани большевики захватили власть сразу после Петрограда и Москвы. Командование местного военного округа вместе с татарскими отрядами попытались было разоружить большевизированную артиллерийскую бригаду, но из этого ничего не вышло. 8 ноября по новому стилю Красная гвардия захватила вокзал, почту, телефон, телеграф, банк, окружила Кремль, арестовала командующего войсками округа и комиссара Временного правительства. В начале 1918 года в Петрограде разогнали Учредительное собрание. Брат Андрей был вне себя, обзывал большевиков «бандитами» и багровел при одном упоминании о них. Прошла весна, в мае взбунтовались чехословаки. В июне в Самаре образовался Комитет членов Всероссийского учредительного собрания. Андрей Алексеевич приободрился, ходил с видом заговорщика и шепотом сообщал Павлу, что с большевиками скоро будет покончено. И вправду, в августе чехословаки и отряды Комуча ненадолго выбили красных из города. Андрей достал из чулана мундир и снова занял должность прокурора Казани, Сергей записался в армию Комуча военным врачом. «Н-да, об этом писать определенно не надо, – усмехнулся про себя Павел Алексеевич. – Хотя они наверняка знают... А вдруг это проверка: напишет он правду или не напишет?

Что за вздор! Семнадцать лет прошло, сколько анкет и прочих бумаг за это время было написано и заполнено, и никто никаких вопросов не задавал. К тому же это – моя автобиография, я о себе должен писать, а о родственниках не обязан». И Заблудовский снова взялся за перо.

«...В то время опыты по “омоложению”, изучению неспецифического иммунитета дали мне основу для моих современных работ по лизатотерапии...»

Да, именно тогда Павлу Алексеевичу впервые пришла в голову мысль о возможности стимулирования деятельности различных органов продуктами белкового распада. Он был чрезвычайно воодушевлен, горизонты раздвинулись, речь шла о создании нового направления в науке... Но мысли о братьях и о драматических событиях 1918 года не отпускали. Павел Алексеевич отложил рукопись и выдвинул ящик письменного стола, пошарил в глубине и извлек на свет конверт, в котором лежали старые фотографии. Вывалил карточки на стол, провел по ним рукой, словно разравнивая песок, нашел ту, что искал. На небольшом снимке была запечатлена жена брата Сергея Анна. На ней длинное пальто с меховым воротником и меховыми манжетами и шляпка с перьями – белым и темным. Рядом с Анной на низкой банкетке большая черная собака с гладкой блестящей шерстью. «Чья это собака? Разве у них была собака? Хотя кто знает...» На обороте аккуратным почерком брата написано: «Милым, дорогим Симе, Павлуше и Риночке на добрую память от Анечки и Се-

режи. Париж, 30 декабря 1923 года. Снято в Софии 26 ноября 1923 года». Фотография эта пришла к Павлу Алексеевичу кружным путем в начале 1924 года. Это была первая за долгое время весть от брата. Теперь Сергей с женой живут в Нью-Йорке. Павел Алексеевич сгреб фотографии со стола, сунул их в конверт и убрал в стол. Нет, не надо об этом писать, эти истории не для официальной биографии...

«С 1921 по 1922 год я помимо Ветеринарного института читал лекции в Казанском политехническом институте в качестве профессора по сельскохозяйственной и технологической микробиологии. 1 мая 1922 года был единогласно избран профессором и заведующим Бактериологической лаборатории Казанского института для усовершенствования врачей имени Ленина, где и оставался до отъезда из Казани в 1931 году. В 1924 году около года читал курс патологической физиологии на Медицинском факультете Казанского университета, а с 1921 по 1930 год вел этот курс в Ветеринарном институте. В 1930 году я едва ли не первый в Казани получил персональную ставку...»

Заблудовский на секунду запнулся. «Нужно про ставку писать? Вроде как хвастаюсь, – подумал я. – А почему нет?»

«...С 1928 года, когда опыты по применению гистоллизатов стали давать благоприятные результаты, я решил посвятить себя этим работам... 1 мая 1931 года я перешел на службу в Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии в качестве заведующего лабораторией Патофизиоло-

гии. Здесь я вел ряд работ с целью найти активные методы для борьбы с инфекциями и разработать лизатопрепараты для повышения продукции скота. С 1 февраля 1932 года назначен заведующим экспериментальной лабораторией органопрепаратов Всесоюзного института экспериментальной медицины, которая с начала 1933 года развернута в отделении ВИЭМ, позднее на правах отдела. В отделении ставятся эксперименты по изучению и приготовлению «гистолизатов» по моему методу. Я принимаю ближайшее участие в разработке активных методов лечения, благодаря чему имею самую тесную связь (состою штатным консультантом) с Лечебно-санитарным управлением Кремля... 2 ноября 1934 года удостоен Академией с/х наук им. Ленина научной степени Доктора биологических наук. Я неоднократно консультировал и сотрудничал с различными ведомствами, научно-исследовательскими институтами и лабораториями по вопросам медицины и ветеринарии. Независимо от службы участвовал в культурно-просветительной работе, делал доклады в научных собраниях и читал лекции студентам, врачам и на различных курсах. Имею 29 печатных работ и столько же приготовленных, но не сданных в печать».

«Полагаю, этого будет достаточно», – подумал Заблудовский. Быстро пробежав написанное, он снова взял перо и поставил место и дату: «Москва, 1 февраля 1935 года». Затем встал из-за стола, открыл дверь кабинета и позвал:

– Сима?

– Что, Павлуша? – донесся из столовой голос жены.

– Я тебя попрошу, перепечатай это, пожалуйста, на машинке... В двух, нет, в трех экземплярах!

Москва, наши дни

В понедельник пришла эсэмэска от Алины. «Вечером дома?» – спрашивала она. «Вечером – это во сколько?» – «После семи». – «Дома». – «Я приеду». – «А если я не один?» – попробовал поломаться я. Но с Алиной этот номер не проходил. «Прогони ее. Или займемся любовью втроем. Другого времени на этой неделе у меня не будет», – последовал ответ. «Приезжай», – написал я.

Алина была замужем и имела двоих детей-подростков, поэтому время наших встреч всегда выбирала она. А началось наше с ней знакомство так. Год назад у меня на ногах вскочила какая-то сыпь. Долгие годы я ничем не болел и совершенно утратил связь с отечественной системой здравоохранения. Позвонив в районную поликлинику, я с удивлением узнал, что дерматологов там больше не держат. Что мне было делать? Я обратился за помощью к главному решальщику бытовых проблем в нашей семье – сестре Екатерине. Она, как сказал поэт, была «в вечном сговоре с людьми» и знала всех в этом городе. Я позвонил и сказал: «Кать, мне нужен дерматолог». И через пару дней нашлась подруга подруги по имени Алина Григорьевна Завьялова. Сестра скинула мне ее мобильный телефон.

Я думал, что под именем Алина Григорьевна скрывалась толстая пожилая тетка, но голос в трубке оказался неожиданно молодым и звонким. Я начал долго и путано объяснять, от кого я, но Алина не стала меня слушать. «Есть два варианта, – решительно заявила она. – Первый – клиника в Крылатском, платить через кассу три тысячи. Второй – у меня, в частном кабинете на Самотеке, деньги из рук в руки, две тысячи пятьсот». Я выбрал Самотеку даже не из-за денег. Кому, скажите на милость, охота ехать в Крылатское? Докторша назначила мне день и время и повесила трубку.

Через два дня я явился по указанному адресу. Это был новый кирпичный дом советской постройки. В однокомнатной квартире на шестом этаже был оборудован настоящий врачебный кабинет. И одета Алина была не по-домашнему, а по-рабочему, в белоснежный накрахмаленный халат и белую шапочку.

Она мне сразу понравилась – невысокая, но ладненькая. У нее были густые темно-русые волосы, красивые серые глаза, высокие скулы и немного вывороченные губы. Смерив меня взглядом, Алина велела идти в комнату. «Я сейчас», – сказала она. Послышался звук текущей из крана воды. Через секунду Алина появилась в дверях и сказала: «Ну, показывайте, что у вас». Я сел на кушетку, снял ботинки, носки и закатал штанины. Сделав это, я поднял глаза на Алину Григорьевну, она внимательно разглядывала мои икры и слегка пожевывала губами. «Так-с, – наконец произнесла она, – ну-

ка, положите правую ногу сюда». Она накрыла обитый белым кожзаменителем табурет салфеткой и пододвинула табуретку ко мне. Я послушно водрузил ногу на нее, а Алина подошла и, слегка наклонившись, стала изучать мою голень. Сквозь тонкий халат были видны ее трусики – совсем маленькие. Дальше все случилось как-то быстро и непроизвольно. Я вдруг запустил левую руку под халат и положил ладонь на гладкую и упругую Алинину задницу... Она не вздрогнула, не взвизгнула, не отпрянула. Не крикнула возмущенно «Да как вы смеете!» или испуганно «Что вы делаете?». Алина не обернулась и ничего не сказала. В ту секунду, когда я к ней прикоснулся, она ощупывала мою ногу, а тут остановилась... Она спокойно ждала, что будет дальше. Я понял, что, как у поднявшегося в атаку взвода, у меня был только один путь – вперед! И я запустил под халат другую руку и быстро стянул с Алины трусики...

Потом мы иногда вспоминали начало.

– Что ты почувствовала в тот момент? – допытывался я.

– Чужую руку на своей жопе, – не моргнув глазом отвечала Алина.

– Ну хорошо, и что ты подумала? – допытывался я.

– Подумала: «Ни фиги себе!»

– Почему же ты не дала мне по роже?

– Не знаю, – отвечала Алина, задумчиво глядя куда-то мимо меня. – Видимо, ты мне понравился...

– Но ты же видела меня всего несколько секунд, – удив-

лялся я.

– А может быть, этого вполне достаточно?

– Слушай, а к тебе раньше пациенты приставали?

– Ну, бывало, заигрывали... Тары-бары. Но чтобы вот так руки распускать – нет.

– То есть я был первый?

– Нет, ты был второй.

– А кто первый?

– Ты его не знаешь, – усмехалась Алина, – это было много лет назад.

– И ты?..

– Сначала я его отшила, – улыбалась Алина, – а потом все равно дала.

– Почему?

– Очень настойчивый был...

– А как его звали?

– Митя. Мой муж.

Придя с работы домой, я сразу направился в спальню. Поменял постельное белье, выложил на тумбочку рядом с кроватью презервативы и смазку, чтобы было легко дотянуться. Слегка прибрался в ванной комнате. Вернулся на кухню и достал из шкафа коробку конфет «Линдор», которые Алина очень любила. Потом, немного подумав, оделся и спустился вниз. Недалеко от дома, в тени лип, стоял маленький цветочный киоск. Не знаю, как он уцелел после того, как городские власти разгромили уличную торговлю. Я купил букет

темно-красных роз. Алине нравились розы. Она всегда говорила: «Я не могу взять их с собой, но мне приятно знать, что здесь у тебя стоят мои цветы».

Вернувшись домой, я поставил розы в вазу, а вазу – на кухонный стол. Потом переоделся во все чистое. «Как перед битвой», – подумал я. Никогда нельзя было заранее знать, по какому сценарию пройдет наше свидание. Алинино настроение менялось, как погода в зоне столкновения атмосферных фронтов. Иногда она являлась нежная и расслабленная, ластилась ко мне и терлась щекой о плечо, как кошка. Иногда впархивала раздраженно-веселая, дразнила, уворачивалась и не давалась в руки. А иногда входила в дом прямая и холодная, как древняя воительница, бросала в прихожей сумку и, не говоря ни слова, направлялась в ванную комнату, роняя по дороге предметы одежды. В постели она тоже бывала разной. То длила ласки, оттягивая кульминацию, то просто ложилась на живот или на спину и приказывала кончать все побыстрее. Я никогда ни о чем ее не спрашивал, не пытался узнать причину дурного или, напротив, хорошего расположения ее духа. Не интересовался, как дела на работе или дома. Я даже толком не знал, кто ее муж. Мне было только известно, что его звали Митя, а детей – Саша и Коля.

Думаю, в начале нашей связи мы оба играли в игру «секс с незнакомцем», но чем дольше длились наши отношения, тем яснее мне было, что «костюмчик» этот становится нам мал. Мы встречались уже больше года, за это время – хочешь не

хочешь – узнаешь человека, и Алина все меньше подходила на роль незнакомки. И я напоминал себе человека, который, проснувшись утром и увидев свет, пробивающийся сквозь шторы, прячет голову под подушку, пытаясь убедить себя, что на дворе все еще ночь.

Раздался звонок в дверь, и я пошел открывать. На Алине были серый тренчкот и туфли на высоком каблуке. Я обнял ее за плечи и поцеловал в макушку. От волос приятно пахло духами и сигаретным дымом.

– Привет!

– Привет, – ответила она, высвобождаясь.

«Сегодня без прелюдий, – понял я, – ну и хорошо».

Алина положила сумку на пол и стала развязывать поясок плаща, завязанный двойным узлом.

– Ты сегодня торопишься? – спросил я, принимая плащ и вешая его в шкаф.

– Да.

Она была явно чем-то раздражена, но я знал, что расспрашивать, выяснять причины бесполезно и даже опасно. Она только начинала еще сильнее злиться. Ее просто надо было успокоить хорошо известным нам способом.

– Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо. Я хочу в душ.

– Дорогу ты знаешь.

Алина скинула туфли и босиком пошлепала по коридору. На ней было короткое облегающее платье стального цвета и

поясок из переплетенных металлических колец.

– Классный поясочек, – сказал я, глядя ей вслед. – Я сейчас представил, что на тебе ничего нет, кроме него.

– Это можно устроить, – ответила Алина, не оборачиваясь.

И голос ее прозвучал уже не так напряженно.

– Хочешь, я приду к тебе в душ?

– Нет, давай не сегодня, – сказала она и скрылась за дверью ванной комнаты.

Я пошел в спальню, стянул с кровати покрывало. В ванной зашумела вода. Я начал не торопясь раздеваться. Снял с себя всю одежду, сгреб ее в кучу и запихнул в платяной шкаф. Постоял совершенно голый посреди комнаты. «Пойти к ней? – подумал я. – Нет, лучше не надо. Только разозлится. Терпеть не может, если что-то происходит не так, как она запланировала. В этом мы с ней удивительно похожи». Я стал рассматривать свое отражение в зеркале. «Ну что, Алексей Батькович, не стыдно тебе еще раздеться перед молодой женщиной? Да вроде ничего... Хотя животик намечается и боковички уже есть. Зарядку надо каждый день делать, милый друг, а ты позволяешь себе пропускать иногда по три раза на неделе. Нехорошо, брат! И не оправдывайся, пожалуйста, потому что нет тебе никакого оправдания». В ванной комнате все стихло, спустя минуту хлопнула дверь, и Алина вошла в спальню. Тоже босая и голая. Только чресла ее, как и было обещано, украшал поясок из металлических колец.

– Ну как? – спросила она и, поднявшись на мыски, сделала оборот на сто восемьдесят градусов. Сверкнул крепенький белый задок.

– Восхитительно, – сказал я.

Она подошла ко мне и обняла за шею.

– Ты же любишь, когда на мне совсем ничего нет, – тихо проговорила она, – тебя не заводят все эти финтифлюшки – белье, пояса...

– Подвязки, – подсказал я.

– Подвязки, – повторила Алина. – Чулки...

Голос ее звучал уже мягче и спокойнее.

– Нет, не заводят, – признался я. – Меня возбуждает нагота.

– Нагота так нагота, – произнесла Алина, глядя мне в глаза.

Она на секунду убрала руку, и цепь, соскользнув с ее бедер, со звяком упала на пол.

– Пусти, я тоже пойду помоюсь.

– Не надо, – сказала Алина, – ты и так чистый.

Она провела пальцем по моей груди, как проводят по столу, чтобы проверить, нет ли на нем пыли.

– Видишь? – она показала мне палец.

– Значит, буду трахать тебя немытый.

– Валяй, – сказала она и поцеловала меня в губы.

Мы легли и стали целовать и гладить друг друга. Но когда я скользнул вниз и стал ласкать языком ее вагину, Алина

Остановила меня:

– Я хочу, чтобы ты вошел в меня сразу.

– Я хочу твою попку...

– Не сегодня.

– Почему?

– Муж меня вчера... У меня все там болит.

– Я напишу ему письмо...

– Письмо? Что еще за письмо?

– «Дорогой друг! Так как мы оба имеем честь... нет, имеем удовольствие любить одну и ту же женщину, предлагаю установить правила, которые регулировали бы нашу половую жизнь. В частности, предлагаю составить график сношений...»

– Дурак!

– Ты бы ему сказала вчера: не надо, оставим Леше этот кусочек сладкого...

– Во-первых, вчера я еще не знала, что мы с тобой увидимся, а во-вторых, с чего это кто-то тебе должен что-то оставлять?

– Как с чего? У твоего мужа гораздо больше возможностей. Он может е... тебя каждый день, а я только раз в неделю. Мне нужны преференции, льготы. Он – естественная монополия, а я малый бизнес.

– Трепло ты, а не малый бизнес...

Я потянулся к тумбочке, где лежали презервативы.

– Ты куда? – спросила Алина.

– За презервативом.

– Господи, какой же ты благоразумный!

– Тебе же самой так спокойнее.

– Да, спокойнее... И подложи мне подушечку под спину. Через полчаса я встал, надел трусы и пошел на кухню.

– Чай или кофе? – крикнул я.

– Что? – откликнулась Алина.

– Я спрашиваю, что ты будешь – чай или кофе?

– Чай!

Я любил эту часть наших свиданий не меньше, чем постель. Я всегда знал, нравится мне женщина по-настоящему или нет. Если после секса мне хотелось, чтобы она побыстрее ушла, значит, нет, а если хотелось, чтобы осталась, то, значит, да. Я желал, чтобы Алина оставалась со мной как можно дольше... «Странно, я ведь не так уж много думаю о ней в перерывах между нашими свиданиями. Где она? С кем она? – размышлял я, заваривая чай. – И не ревную совсем. Ни к мужу, ни к другим мужикам, если они у нее есть. А они есть? Нет, просто интересно, встречается она еще с кем-нибудь? Вряд ли, говорит, совсем времени нет. Хотя, кто знает... С Леной совсем не то было. Ревновал ужасно. Хотел, чтобы она всегда была рядом. Бесился, когда не отвечала на звонки... Может быть, это потому, что я – не муж...»

Послышались шаги, и в кухню вошла Алина в моей рубашке. Рукава ей пришлось подвернуть три раза. Она прошлепала по кафельному полу и села у окна.

– Могу принести тебе халат, – сказал я, доставая чашки.

Алина подняла голову и посмотрела на меня слегка ошеловелым взглядом.

– Я не хочу халат, – отдельно произнесла она. – Я хочу в твоей рубашке.

– В рубашке так в рубашке...

– Это мои цветы? – спросила Алина, нюхая розы.

– Твои.

– Красивые...

– Слушай, ты в прошлый раз оставила в ванной свой крем для снятия макияжа. Не забудь забрать.

– Он тебе что, мешает?

– Нет, мне не мешает, но другие женщины спрашивают, чей это?

– Если хотят, могут пользоваться, – сказала Алина. – Хотя на самом деле нет у тебя никаких других женщин.

– А ты почему знаешь?

– Знаю, – ухмыльнулась она. – Ты – моногамный. Да и зачем тебе другие женщины? У тебя же есть я.

– Ну, ты нахалка!

– А что, разве нет? Разве я не права?

– Нет, конечно, если бы ты меня каждый день так трахала, то, может быть, мне другие женщины и не понадобились бы. Но ты же, бывает, исчезаешь на месяц. Что же мне делать – в душе дрочить?

– А что? Хотя бы и дрочить. Думать обо мне и дрочить.

Что вы так этого, мужики, стесняетесь? Вот мы, женщины, совсем не так к этому относимся. Себя поласкать – самое милое дело. А сколько тебе надо?

– Чего надо?

– Ну, сколько бы тебе хотелось со мной, чтобы с другими не хотелось?

– Хорошо излагаешь.

– Брось, ты меня понял.

– Seriously спрашиваешь?

– Seriously.

– Ну, раза два-три в неделю.

Алина закатила глаза, словно что-то подсчитывая в уме.

– Нет, это вряд ли получится.

– Вот то-то и оно.

Я налил ей чаю в прозрачную стеклянную чашку. На две трети. Положил тоненький ломтик лайма на блюде. И поставил все это перед Алиной. Она взяла лайм двумя пальцами и аккуратно опустила его в чай. И несколько секунд, не отрываясь, смотрела, как бледно-зеленый кружок плавает в золотисто-оранжевом чае.

– Красиво...

– Что?

– А тебе хочется, чтобы я приезжала к тебе чаще?

– Да, я был бы не прочь.

– А как думаешь, мы смогли бы жить вместе?

– Мне кажется, смогли бы. А что это ты вдруг такие раз-

говоры завела? Муж выгоняет?

– Да куда он меня выгонит? – отмахнулась Алина. – Он без меня не может.

Некоторое время она молча пила чай, потом взгляд ее упал на картонную коробку с прадедовыми документами, которая так и стояла на кухне. Алина вытянула голую ногу и подцепила пальцами крышку коробки.

– Что это? – спросила она.

– Да так, бумаги.

– Что за бумаги?

Мне не хотелось снова все рассказывать с самого начала.

– Бумаги. Прадеда моего.

– А кто был прадед? – спросила Алина, заглядывая в коробку.

– Ученый. Физиолог. Академик ВАСХНИЛ.

– Вот как? А как звали прадеда?

– Павел Заблудовский. Слышала о таком?

– Нет, не слышала.

– А ведь он был довольно известным ученым в тридцатые годы.

– Да? А чем занимался?

– Вот в этом мне и предстоит разобраться. Пока я знаю только, что он считался основоположником целого направления в науке – лизатотерапии. Он предлагал лечить различные заболевания с помощью специальных препаратов – лизатов. Механизм я тебе точно описать не могу...

– И что потом?

– В смысле?

– Ну, зачем тебе это? Какой выхлоп?

– Статью напишу.

– Для кого? Для своего журнала?

– Бери выше! Для сборника трудов Казанского ветеринарного института. Может быть, даже выступлю с докладом на научной конференции.

– О, интересно!.. Дашь потом почитать?

– Конечно.

Алина посмотрела на меня, потом на часы на стене и отодвинула недопитую чашку с чаем.

– Мне пора, – сказала она и встала.

Рубашка распахнулась, открыв красивый круглый живот и маленький, аккуратно подстриженный кустик волос на лобке. Внутри у меня опять все заныло. Я встал на колени и поцеловал Алину в пупок.

– Жаль, что тебе надо уходить...

– И мне жаль.

– А помнишь, как мы с тобой один раз заснули после секса и чуть не проспали все на свете?

– Помню.

– А потом бегали по квартире, как герои какой-то кинокомедии, собирая трусы, часы, телефоны, тюбики помады... И ты все повторяла: «Муж меня убьет!»

– А ты говорил: «Тогда оставайся, я предоставлю тебе по-

литическое убежище!»

– А ты сказала: «Нет, милый...» Впервые назвала меня милым.

– И еще я все-таки забыла тогда зонтик и шарф...

– Кроме зонтика и шарфа после тебя остался запах твоих духов... Я долго его чувствовал на подушке.

– Пора идти, – сказала она. – Цветы я сегодня заберу.

– А как же конспирация? Ты провалишь все явки...

– К черту конспирацию! Проводишь меня немного?

Москва, вечер того же дня

Вернувшись домой, я прошел на кухню. Зачем-то включил чайник и сразу выключил. Подошел к окну и выглянул во двор. Уже темнело, накрапывал дождь. Где-то внизу тренькнул домофон и послышались голоса. Что-то неразборчиво сказала женщина. Хлопнула дверь, и снова стало тихо. Не было в мире громких звуков. Только изредка шелестел по асфальту, разбрызгивая лужи, невидимый автомобиль. Мне было грустно. Я представил, что Алина не ушла, а просто ненадолго отлучилась. Сейчас она вернется, и мы снова ляжем в постель. Я представил, как скину с себя все и нырну к ней под одеяло, в темную духоту. Как снова стану целовать ее спину, живот, бедра... А она будет слабо отбиваться: «Фу! Ты холодный!» – «Я сейчас согреюсь, родная...» Что-то сдвинулось в наших отношениях. Ничто ведь не может оставаться неизменным неопределенно долго, все развива-

ется и движется куда-то. «Ведь она права, меня перестали интересоваться другие женщины. Интересно, а для нее что-то изменилось? Так посмотреть, вроде бы и нет. Но ведь она не бросает меня... Мы уже больше года вместе... или не вместе, а как-то рядом. И я все чаще думаю: что дальше? Вот если она разведется с мужем, сделаю я ей предложение? Хм... А ведь сделаю. По крайней мере, мне это уже не кажется невозможным...»

Чтобы отвлечься от мыслей об Алине, я уселся на стул и решительно пододвинул к себе коробку с прадедовыми документами. Вот возьму сейчас что-нибудь и прочитаю. Да вот хотя бы те же «Материалы о гистологизатах», которые с предисловием Плетнева. Ну-ка!

Я раскрыл книгу наугад: «...Белок сам по себе не ядовит, но все высокомолекулярные продукты распада белка в той или иной мере ядовиты; по мере расщепления ядовитость падает. Аминокислоты не ядовиты. Следовательно, высокомолекулярные продукты распада клеток (альбумозы и пептоны) ядовиты и специфичны, а продукты глубокого распада (абиуретовые) неядовиты и неспецифичны. Строго говоря, последние свойства присущи всецело только аминокислотам. Аминокислоты можно считать биологически почти индифферентными, но продукты аминокислот, образующиеся при их декарбоксилировании, так называемые протеиногенные амины, по своей ядовитости превосходят пептоны; для образования протеиногенных аминов необходимы, од-

нако, особые условия (гниение, патологический распад)...»

Я захлопнул книжку. Эйфория улетучилась. «Бедная мама! – подумал я. – Неудивительно, что ты ничего не поняла в этой китайской грамоте. Не огорчайся! Твой сын тоже ни черта не понял. Но с этим надо что-то делать, надо хотя бы в общих чертах понять, о чем речь... Прорваться сквозь это самостоятельно не представляется возможным. Значит, надо найти кого-то, кто мне в двух словах все это объяснит. Вот только кто бы это мог быть?»

Я отложил в сторону книжечку «Материалов» и взял в руки том трудов профессора Заблудовского. Быстро пробежал оглавление, потом вернулся к началу. Перед статьями шло предисловие.

«...Нас, близких товарищей по работе и личных друзей Павла Алексеевича Заблудовского, до сих пор не покидает чувство восхищения его блестящим интеллектом, его оригинальным и несколько склонным к парадоксальности, но всегда продуктивным мышлением, его животрепещущей силой и радостью бытия, его потребностью учить и передавать другим все, что накапливала его необычайная память, острая наблюдательность и глубокая рассудочность. Где бы он ни появился и кем бы он ни был окружен, он всегда сразу же становился центром внимания. Те, кто его уже знал, встречали его радостными улыбками, у тех же, кто впервые с ним встречался, в глазах появлялся интерес и внимание после первой же брошенной им мысли, всегда новой, оригинальной и бле-

стяще выраженной...»

«Недурно сказано! – подумал я. – Кто же это написал?»

Я перевернул страницу. Текст был подписан профессором А. Г. Беклемишевым. «Ого! Да это же Антон Григорьевич!» – поразился я. Беклемишевых я хорошо знал. Это была старая академическая семья, кстати, как и мы, казанская. С Заблудовскими они были знакомы с давних времен – жена Антона Григорьевича Мирра Семеновна, урожденная Гольденберг, училась с прабабушкой Серафимой Георгиевной в одном классе в гимназии. Когда в начале 30-х всю науку стали стягивать в Москву, Беклемишевы, как и Заблудовские, получили квартиру на Новинском. Только мы жили на пятом этаже, а Беклемишевы – на втором. Старик Антон Григорьевич был крупным физиологом, лауреатом и академиком. Занимался, кажется, мозгом. Дожил чуть ли не до девяноста лет и умер в году то ли 1965-м, то ли 1968-м. Я его, конечно, не знал. Но мама рассказывала, что светила – Павел Алексеевич и Антон Григорьевич – были хорошо знакомы.

«Мы полагаем, что опубликование этого сборника явится ценным вкладом в советскую науку и даст новые стимулы молодым кадрам научных работников для дальнейшего развития и разработки тех творческих идей, которые оставил нам безвременно ушедший от нас Павел Алексеевич, – заканчивал свою вступительную статью Беклемишев. – В заключение приношу свою глубокую благодарность профессору Константину Моисеевичу Руфимскому, принявшему

на себя труд соредактора и снабдившему этот сборник двумя ценными сопроводительными статьями, доценту Борису Ростиславовичу Кончак-Телешевичу, ученику и сотруднику покойного профессора Заблудовского, проведшему основную работу по подборке и подготовке всех материалов данного сборника к печати, а также вдове Павла Алексеевича – Серафиме Георгиевне Заблудовской, оказавшей нам большую помощь и содействие в этой работе...»

Господи! Ну конечно! Вот кто мне поможет! Антон-маленький – внук академика Беклемишева и по совместительству мой друг детства. Я удивился, почему сразу о нем не подумал. Если в нашей семье научная линия после прадеда пресеклась, то Антон Беклемишев-старший положил начало целой династии ученых-биологов. Его дочь – Альбина – тоже стала биологом. Вторым ее мужем был известный советский генетик Ефим Самуилович Брок. Но когда родился Антошка, родители решили записать его Беклемишевым. Я полагал, сделано это было для того, чтобы не осложнять мальчику жизнь еврейской фамилией. Мы с Антоном не только жили в одном доме, но и сидели в школе за одной партой. Антошка был умным малым и интересным собеседником. Он с детства обожал художественную литературу, особенно стихи, невероятно много читал и знал такие имена и тексты, о существовании которых мы, его приятели, не выходившие за пределы школьной программы, даже не подозревали. В седьмом классе он доводил до слез нашу учительницу русского

и литературы Берту Михайловну Якобсон, читая наизусть из старых русских поэтов. Например, из Надсона: *«Не говорите мне – он умер, / Он живет, / Пусть жертвенник разбит, / Огонь еще пылает, / Пусть роза сорвана, / Она еще цветет, / Пусть арфа сломана, / Аккорд еще рыдает...»*

Увы, этот стопроцентный гуманитарий имел несчастье родиться в естественно-научной семье с традициями. Папа Антона Ефим Самуиловч заведовал сектором в институте имени его деда – А. Г. Беклемишева, а мама преподавала на биофаке университета. Надо ли говорить, что Антошкина судьба была решена еще в колыбели? Помню, в классе десятом мы сидели у Беклемишевых на кухне и пили чай, и тут зашла Альбина Антоновна. В то время все обсуждали, кто куда будет поступать. И мама Антона спросила меня: «Ну что, Леша, а ты кем собираешься стать?» Я тогда колебался и выбирал между журфаком МГУ и финансовым институтом, о чем честно и сказал. Альбина Антоновна посмотрела на меня с некоторым сожалением и сообщила, что творческие метания – это, конечно, хорошо, но пора бы уже и определяться, вот, например, Антон будет поступать на биологический факультет. Я, разумеется, знал от Антона, что предки двигают его на биофак, но знал и то, что он особого восторга от этого не испытывает. Я воспитывался в обстановке либеральной и не стеснялся высказывать свое мнение по самому широкому кругу вопросов. К тому же меня немного задел снисходительный тон Альбины Антоновны, ее непоколеби-

мая уверенность в том, что биологический факультет – единственное место, где следует учиться приличному человеку. Поэтому в пику ей я заявил, что семейные традиции – это, конечно, хорошо, но все-таки стоит учитывать интересы и склонности человека. И что, спрашивается, делать, если у человека нет интереса, скажем, к биологии? По лицу Альбины Антоновны я понял, что сказал что-то в высшей степени неприличное. «У Антона есть интерес к биологии», – сказала она холодно и удалилась. Сам Антон во время всей этой сцены не проронил ни слова, а когда мать ушла, виновато посмотрел на меня и развел руками.

Разумеется, он поступил на биологический, отучился там положенный срок и поступил в аспирантуру. Резал лягушек и, не торопясь, писал диссертацию на тему, которую мне однажды сообщил и которую я тут же забыл. Попутно он женился на девушке Ане, которая тоже училась на биофаке. Думаю, что любой другой выбор не был бы одобрен родителями Антона. После этого он переехал жить к родителям жены, и мы стали видеться реже, хотя связи не теряли. А потом в жизни семьи Беклемишевых произошли печальные перемены. В 1991 году скоропостижно скончался отец Антона, милейший Ефим Самуилович. А вскоре вслед за ним приказал долго жить и Советский Союз. Времена наступили тяжелые, академические институты тихо загибались, и сочинение диссертаций, еще недавно казавшееся занятием в высшей степени почтенным, вдруг стало совершенно бесполезным. Де-

нег у Антона и Ани не было. К тому же в разгар гиперинфляции у них родился сын Вася, и дела стали совсем плохи. Поэтому я не удивился, когда узнал, что Антон, как и многие другие, бросил науку и занялся бизнесом, стал торговать каким-то медицинским оборудованием. Я не представлял себе, как мягкий и интеллигентный Антон общался с чиновниками и братками и выбивал долги из покупателей, но он как-то выжил. Богачом не стал, но на кусок хлеба с маслом сумел заработать и даже купил подержанный BMW. Я слышал, что из-за расставания с наукой у Антона испортились отношения с матерью, которая долго не могла смириться с такой переменной участи для своего сына.

В последние годы, бывая на Новинском, я изредка встречал Альбину Антоновну во дворе. Она постарела и заметно сдала. Я неизменно подходил к ней и вежливо здоровался. Иногда она не сразу узнавала меня, долго щурилась, вглядываясь в мое лицо, но узнав, всплескивала руками и обнимала с теплотой, даже, как мне казалось, избыточной. «Лешенька, как ты?» – спрашивала она, но рассказы мои слушала не очень внимательно. А заканчивался наш разговор обычно воспоминаниями о том, как мы с Антоном были маленькими и как славно гоняли чай у них на кухне.

С Антошкой мы тоже виделись и тоже вспоминали старые годы, правда, пили теперь не только чай, но и водку. Я заметил, что со временем с ним произошла любопытная метаморфоза. Так как занятие бизнесом не доставляло моему

другу особой радости и воспринималось как что-то вынужденное и навязанное обстоятельствами, наука стала со временем казаться ему таким потеряннным раем. Он снова начал выписывать научные журналы и, выпив, любил порасуждать о новейших достижениях биологии и медицины. И я не удивился, когда узнал, что его сын Вася собрался поступать на биологический факультет. «Вот кто мне все объяснит!» – решил я и набрал номер Антона.

– Алло, – раздался в трубке беклемишевский баритон.

– Здорово, старик. Это – Кораблев.

– О! – обрадовался Антон. – Сколько лет, сколько зим!

Как жизнь?

– Идет потихоньку. Слушай, у меня к тебе дело...

И я кратко пересказал Беклемишеву свою историю.

– Что же, предмет весьма интересный, – произнес Антон, выслушав меня. – Приезжай, поговорим. Я, конечно, не специалист в области тканевой терапии...

– Не специалист в области чего? – не понял я.

– Тканевой терапии, – терпеливо повторил Антон. – Твой предок был основоположником целого направления в науке – тканевой терапии...

– А ты это... и про гистолизаты знаешь?

– Как не знать!

– Прадедушку, что, на биофаке проходят?

– Нет, на биофаке не проходят. И, между прочим, жаль, что не проходят. Очень любопытная теория... А откуда

знаю? Мой дед Антон Григорьевич Павла Алексеевича имели честь знать и высоко отзывались о заслугах... Я, конечно, слышал это, так сказать, в переложении отца, но и он твоего предка считал ученым с мировым именем. Без оговорок. Так что я немного в курсе, хотя, повторяю, не специалист. В общем, давай, заруливай! Мы с тобой сядем, чайку попьем... Такой план меня вполне устроил.

Казань, 8 сентября 1918 года

Утром восьмого сентября в дом в Адмиралтейской слободе, где Павел Заблудовский жил с женой и дочерью, пришел его младший брат Сергей. Он был в военной форме, на рукаве – повязка с красным крестом.

– Проходи, садись, – сказал Павел брату. – Ты завтракал?

– Спасибо, я не голоден.

– Кофе пить будешь?

– Спасибо, нет. У меня мало времени. Нужно ехать в госпиталь.

Сергей присел на стул возле обеденного стола, с прямой спиной, напряженный... Обычно, когда он приезжал в гости к брату, то вел себя свободнее: ходил по комнате, засунув руки в карманы брюк, и зачем-то трогал и передвигал стоявшие на пианино безделушки или усаживался в кресло, закидывал ногу на ногу, доставал портсигар и закуривал без разрешения. Вообще-то курить в доме у Павла Алексеевича не позволялось, но для брата Сергея делалось исключение.

«Ну вот, опять Сережа надымил, дышать нечем», – говорила обычно Серафима Георгиевна, разгоняя руками висевший в комнате табачный дым. Но говорила беззлобно, с улыбкой. «Его с детства все любили и баловали, – отвечал Павел Алексеевич. – Вот и избаловали!»

– Кури, если хочешь, – обратился Павел к брату.

– Н-да... Благодарю, – отозвался Сергей Алексеевич, достал портсигар и сразу же убрал его обратно, не закурив.

– Серафима сейчас выйдет... – сказал Павел.

– Да-да. Надо, чтобы Сима присутствовала...

В комнате воцарилось молчание. Через минуту вошла Серафима с семилетней Ариадной. На девочке было белое платье с большим бантом на спине.

– Поздоровайся с дядей Сережей, – сказала Серафима дочке.

– Здравствуйте, дядя Сережа! – звонко произнесла Ариадна.

– Здравствуй, Риночка! – Лицо Сергея смягчилось, он улыбнулся племяннице. – Как поживаешь?

– Хорошо, – ответила девочка.

– Иди, деточка, поиграй, – сказала Серафима и подтолкнула дочь к дверям детской. Потом села на стоявший у стены стул и несколько раз провела ладонями по подолу платья, разглаживая его. Павлу Алексеевичу был знаком этот жест – Серафима всегда делала так, когда нервничала или ждала услышать что-то неприятное, трудное.

– Павел, Сима, я пришел сказать... предупредить вас, – начал Сергей. – Сдача Казани красным – вопрос нескольких дней... Положение безнадежное. Наши войска сражаются доблестно, но у большевиков почти пятикратный перевес... – Павел и Серафима молчали, ожидая продолжения. – Надо уезжать, – коротко заключил Сергей.

Серафима вопросительно взглянула на мужа. Павел Алексеевич знал, что она слепо, безгранично доверяла ему. Как он скажет, так и будет. Но это было хорошо в прошлой, мирной жизни. Теперь же, когда речь шла, возможно, о жизни и смерти, ему хотелось почувствовать в ней какое-то сопротивление, услышать ее отдельное мнение, возможно, несогласное с его собственным. А так вся ответственность многопудовым бременем ложилась исключительно на его плечи и давила, давила... Хуже всего было то, что он не знал, что делать.

– Куда уезжать? – спросил он младшего брата просто для того, чтобы выиграть время.

– Не важно куда, Павел! – воскликнул Сергей. – В Сибирь, на Дон, за границу! Куда угодно! Бежать надо, бежать! Спасать себя и свою семью, понимаешь?

Серафима не сводила испуганного взгляда с мужа.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – возразил Павел Алексеевич, впрочем, не слишком уверенно, – положение, конечно, тяжелое... Но я уверен, что никакая смута не может длиться вечно, скоро все образуется...

– Павел! Павел! Это... это... я даже не знаю, как это назвать! Это – какая-то страусиная политика!

Сергей вскочил с места и начал нервно ходить по комнате. Снова вытащил портсигар и снова убрал его в карман.

– Как ты можешь не понимать? Ты же умный человек! Я всегда считал, что ты – самый умный из нас... Где твой здравый смысл? Из Москвы и Петрограда сообщают страшные вещи. Это даже не девятьсот пятый год. Это в сто крат хуже! Нельзя оставаться! Все, все уезжают, кого я знаю, – Зимины, Красильниковы, Берги... Твой коллега – профессор Радченко!

– Ну, не преувеличивай! – возразил Павел Алексеевич. – Не все уезжают!

Но это опять была лишь попытка оттянуть время. Ему нужно было собраться с мыслями, чтобы найти аргументы... Павел Алексеевич испытывал мучительное раздвоение. Разум подсказывал ему, что брат прав и надо бежать... И в то же время что-то останавливало, сковывало его, что-то трудно поддающееся определению. Павел твердо знал только одно: ехать ему никуда не хочется.

– Вот и брат Андрей тоже никуда не уезжает, – предъявил, как ему казалось, серьезный аргумент Павел Алексеевич.

Это было не совсем правдой. Со старшим из братьев Заблудовских – Андреем – Павел виделся 5 числа, в день начала красного наступления. Андрей был мрачен и рассеян. На вопрос среднего брата, что он собирается делать, отве-

тил как-то неопределенно. Об отъезде ни слова сказано не было, но, возможно, Андрей просто не хотел верить в саму возможность взятия Казани большевиками. В отличие от младших братьев Андрей Алексеевич Заблудовский политической интересовался и был активным членом партии кадетов. К 1917 году Заблудовский-старший дослужился до поста товарища прокурора Казанской губернии. После октябрьского переворота сразу заявил, что с большевиками ему не по пути и что он будет бороться с ними всеми возможными способами.

– А вот Андрея я совсем не понимаю! – воскликнул Сергей. – Если ты, Павел, еще можешь изображать из себя беспартийного интеллигента, то он – прямой контр-р-р-революционер. Ему от большевиков точно ничего хорошего ждать не приходится. Расстреляют, и все!

И Сергей решительно рубанул рукой воздух, как будто сам командовал расстрельной командой.

– Ну что ты такое говоришь, Сережа! – воскликнул Павел Алексеевич. – Может быть, все будет не так плохо...

Сергей удивленно посмотрел на брата.

– Если я правильно понимаю, – заговорил он вдруг совершенно спокойным голосом, – то ты, как настоящий ученый, собираешься поставить опыт на себе и своей семье?

– Какой опыт? О чем ты?

– А такой опыт – сможет ли интеллигентная, обеспеченная русская семья выжить под властью большевиков. Смело,

брат!

– Что за вздор ты говоришь! – разозлился Павел Алексеевич, не любивший, когда его вышучивали. – Если все будет плохо, то мы...

– ...То вы потом уедете? – перебил его Сергей. – А если такой возможности уже не будет? А если эти пролетарии тебя убьют? Ну, Сима, скажи ему! Что ты молчишь?

Серафима Георгиевна испуганно посмотрела на деверя, а потом перевела взгляд на мужа.

– Сергей, будь уверен, что я сделаю все для того, чтобы защитить свою семью... – начал Павел Алексеевич.

– Защитить?! Как? Как ты сможешь их защитить? – закричал Сергей. – У тебя развилась какая-то... странная слепота. Ты привык жить по правилам, по законам и думаешь, то они все еще действуют... А теперь нету ни правил, ни законов! А есть только произвол и звериная жестокость вырвавшейся на волю черни!

– Ну справедливости ради ты должен признать, что жестокости творятся с обеих сторон. Когда чехословаки и Комуч заняли в августе город, тоже были расстрелы...

– Типичное интеллигентское чистоплюйство! – зло перебил его младший брат. – Ты же медик, Павел! Тебе ли не знать, что пока болезнь не зашла далеко, ее можно лечить консервативными методами, а уж когда гангрена, тогда резать!

– Видимо, мы расходимся с тобою в диагнозе, – холодно

возразил Павел Алексеевич.

Сергей замер.

– Значит, вы не поедете?

– Не поедем.

Младший Заблудовский несколько секунд стоял посреди комнаты, медленно покачиваясь, перенося тяжесть с пятки на носок.

– Ну что же, вольному – воля, спасенному – рай, – сказал он устало. – Мы с Аней уезжаем завтра.

Сергей сделал шаг к двери, потом остановился, обернулся, и... слезы вдруг потекли у него из глаз.

– Павел! Сима! Обнимемся же! Ведь мы, быть может, и не увидимся больше никогда! – дрожащим голосом произнес Сергей. – Кто же знает, когда и чем это все кончится?

И он бросился к брату. Павел Алексеевич хотел что-то ответить, но почувствовал, что еще мгновение, и он тоже рыдается как ребенок.

– Сима! Сима! Иди к нам! – говорил Сергей. – Дай обнять тебя!

Серафима Георгиевна сорвалась со своего места, кинулась к братьям и заключила их в свои объятия.

– Благослови вас господь, – шептала она. – Благослови...

Москва, наши дни

Через неделю я позвонил Беклемишеву.

– Здорово, старик! Я по нашему научному делу. Можно

будет к тебе заехать?

– Можно.

– А когда?

– Да в любое время. График у меня свободный. Аньки нет сейчас, мы тут с Василием вдвоем холостякуем. Он поругался со своей девушкой и на время вернулся под отчий кров. Так что когда хочешь, тогда и заезжай.

– Тогда я сегодня и заеду, – объявил я, – чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

– Правильный подход, – одобрил Антон.

...Когда я подъехал к Беклемишевскому дому на Сушевском Валу, уже смеркалось. Беклемишевы жили в просторной трехкомнатной квартире, которая когда-то принадлежала Аниным родителям.

Домофон не работал, и я беспрепятственно проник в обшарпанный подъезд, залитый холодным светом одинокой люминесцентной лампы. Со стен свисали какие-то провода, дверцы многих почтовых ящиков не запирались, а на стенах красовались рекламные объявления, сулившие самый быстрый в мире интернет. В стоявшем на полу картонном ящике валялись бесплатные газетки «У нас на Сушевке» и прочий бумажный спам. Я направился к лифту. Кабина внутри тоже была обклеена рекламой и покрыта разнообразными рисунками и надписями. Я нажал кнопку шестого этажа.

Вход в маленький предбанник, куда выходили две двери, был забран массивной черной решеткой. Рядом на стене при-

лепились звонки, но номера квартир замазали, судя по всему, во время последнего косметического ремонта. Я ткнул наугад в нижнюю кнопку. Почти сразу одна из дверей отворилась, и на грязный кафельный пол упала полоса света, а затем в коридорчик высунулась голова Беклемишева.

– Проходи! – Антон отпер замок и впустил меня в предбанник.

Пол в прихожей весь был заставлен обувью, главным образом мужской. Особенно выделялись две пары кроссовок невероятных кислотных цветов, видимо, Васькины. У стены громоздились какие-то коробки, а в углу свалены были зонтики разных фасонов и цветов.

– Ты уж извини, – сказал Антон, входя вслед за мной в квартиру и закрывая входную дверь, – у нас тут беспорядок...

– А Аня где? – поинтересовался я, снимая плащ.

– На конференции в Новосибирске, в пятницу вернется.

Я знал, что благодаря усилиям мужа Анна не оставила науку и смогла продолжить свои занятия. И это вызывало у меня чувство уважения к Антошке.

В этот момент дверь одной из комнат отворилась, и оттуда выглянул молодой человек в черной майке с надписью Don't Be Afraid, на голове у него красовались большие беспроводные наушники. Это был Вася.

– Здравствуй, Василий! – я помахал ему рукой.

– Здравсте, – ответил Вася и скрылся.

Я не был уверен, что он узнал меня. Раньше я бывал у Беклемишевых довольно часто и хорошо помнил Ваську – милого четырехлетнего ребятенка. А потом мы стали встречаться с Антоном реже, и я не видел, как Вася вырос и превратился в здорового парня. А однажды встретил его с отцом на парковке возле супермаркета и ахнул – сын был выше папаши на голову!

– Ну проходи, – сказал Антон.

– Куда проходить?

– Известно куда. На кухню! Чай пить будем.

– Сейчас, только руки помою...

Когда я пришел на кухню, Антон уже хлопотал вокруг заварочного чайника, сыпал туда заварку и бросал какие-то травки. Я сел и... тут увидел на столе прадедову книжку «Проблемы спермотоксинов и лизатов» с вытисненным на обложке портретом. «Как она сюда попала?» – удивился я, но тут же сообразил, что никакой загадки тут нет, просто у Беклемишевых была такая же. Из книжки торчали разноцветные бумажки-закладки. Было видно, что Антон подошел к делу серьезно, подготовился к разговору. И это тоже вызывало уважение.

– Сейчас все будет, – деловито проговорил хозяин. – Слушай, а может, водочки выпьем?

– Нет, прости, я за рулем. К тому же, боюсь, ничего не пойму на нетрезвую-то голову.

– Ну ладно.

– Но ты выпей, если хочешь.

– Да ну! Что же я один-то буду?..

Через несколько минут все приготовления были закончены, и Антон наполнил чаем две гигантские кружки, не меньше чем по пол-литра, на которых по-английски было написано «Размер имеет значение».

– Старик, ты что? – всполошился я. – Я же лопну!

– Не лопнешь, – твердо сказал Антон, – разговор нам предстоит долгий, и надо запастись горючим.

Он пододвинул ко мне одну из кружек и уселся напротив.

– Значит, у вас тоже есть такая книга? – спросил я, кивнув на том прадедовых трудов.

– Как не быть? Тут вот и слова есть... От Серафимы Георгиевны...

Антон раскрыл книгу и пододвинул ко мне. На титульном листе я увидел сделанную каллиграфическим почерком надпись. Фиолетовые чернила сильно выцвели, но слова можно было легко различить. «Дорогому Антону Григорьевичу в знак глубокого уважения и в память об авторе. С. Заблудовская. 1/II-38 г.».

– Я прочитал предисловие, которое твой предок написал, – сказал я.

– Да?

– Проникновенно. И что, сможешь ли ты в доступных выражениях объяснить мне, что такое изобрел... Нет, наверное, это не очень подходящее слово!.. Что открыл мой ува-

жаемый прадедушка?

– Попробую. Но предупреждаю, я объяснить могу только в самом общем виде.

– А мне для начала и надо в самом общем... Расскажи мне, что такое лизаты?

– Лизаты, а правильнее – гистолизаты, – это такие особые препараты, главным действующим началом которых являются продукты распада тканей отдельных органов.

Антон старался говорить медленно и членораздельно, видимо, полагая, что от этого его слова станут понятнее. Но это совсем не помогло.

– Я ничего не понял, – честно признался я.

Он улыбнулся:

– Хорошо, тогда немножко по-другому... Ткани любого организма, в том числе и человеческого, состоят из клеток.

– Так! Ну только идиота из меня не делай, а? Настолько и я учен, что из клеток...

Антон расхохотался:

– На тебя, брат, не угодишь! То слишком сложно, то слишком просто. Ты про обмен веществ в организме слышал?

– Слышал.

– Значит, так, в клетках непрерывно идут два процесса – синтез и анализ, то есть создание и расщепление различных веществ, прежде всего белков. Это понятно?

– Пока да.

– По сути дела, это вообще даже не два процесса, а две

стороны одного. Но чтоб было понятнее, мы их разделяем. Оставим пока синтез в покое и поговорим о распаде. Высокомолекулярные продукты распада белков ядовиты. И если бы организм не умел их нейтрализовывать, то быстро погиб бы... Ну представь на минуту, что в огромном городе вроде нашего вдруг перестанет работать канализация и прекратится вывоз мусора. Что случится?

– Экологическая катастрофа.

– Совершенно верно. Спустя какое-то время в таком городе станет невозможно жить. То же самое с нашим телом: если бы продукты жизнедеятельности не выводились бы постоянно из организма, он скоро погиб бы от внутреннего отравления. Это понятно?

– Понятно.

– Как организм наш справляется с проблемой? В результате разнообразных химических реакций сложные ядовитые соединения разлагаются на простые и неядовитые, в том числе на аминокислоты. Слышал про такие в школе?

– Про такие слышал.

– Ядовитые продукты клеточного распада находятся в крови короткое время, но так как процесс не прерывается ни на секунду, то они постоянно присутствуют в определенных количествах...

– Это как неснижаемый остаток в кассе! Деньги приходят и уходят, но в любой момент в сейфе не меньше тысячи рублей. Так?

Антон с интересом посмотрел на меня.

– Bravo, маэстро! Вы быстро схватываете суть. Правильно. Примерно так и обстоит дело. В задачке спрашивается, какое влияние на организм оказывают эти постоянно присутствующие в крови продукты распада?

Я задумчиво почесал подбородок.

– Ну, если исходить из вышесказанного, то надо полагать, вредное влияние.

– Да, на первый взгляд может показаться, что продукты распада исключительно вредны для организма. Но на деле все оказывается не так просто. Лет этак сто назад твой уважаемый предок выдвинул теорию, согласно которой продукты тканевого распада могут оказывать на организм и положительное, стимулирующее влияние.

– Это как же?

– Он считал, что эти вещества – внутренние яды – являются постоянным стимулом к размножению и жизнедеятельности клеток.

– Опять не понимаю.

– Ну, например, железы внутренней секреции, выделяющие гормоны, очень чувствительны к химическому составу крови. Если они «чувствуют», что в крови слишком много «вредных» веществ, они включаются и в усиленном режиме синтезируют «полезные». Адреналин, про который все так любят рассуждать, приводит к сужению сосудов и повышению кровяного давления. Но адреналин не выделяется по-

стоянно. Он появляется лишь в ответ на расширение сосудов, вызванное продуктами распада, в частности гистамином... Ну, это очень примитивное объяснение, конечно!

– Так, что-то начинает брезжить. И ты думаешь, это – правда? Ну, в смысле, это работает?

– Сейчас не важно, что я думаю, – сказал Антон, – я тебе пытаюсь объяснить, что думал твой прадедушка.

– Предположим. И что же лизаты?

– Если мы допускаем, что продукты распада способны оказывать стимулирующее воздействие, то из этого вытекает, что можно искусственно инициировать этот процесс, вводя в организм препараты, изготовленные на основе интерэкскретов...

– Интер... чего?

– Ну, на основе продуктов внутриклеточного распада, внутренних ядов. Эти препараты и есть те самые лизаты или гистолизаты.

– Вот это да! Принцип прививки! Мы вводим ослабленные бактерии, а иммунная система включается и продуцирует антитела.

– Ого! Еще сто очков джентльмену на той стороне стола. Улавливаешь правильно. Только в вакцине присутствуют инородные для человеческого организма белки, а в лизатах – свои, родные.

– Но все же, за счет чего восстанавливается работа организма?

– За счет его резервных возможностей. Существует точка зрения, что наши внутренние органы – сердце, легкие, почки – работают лишь на одну треть своей «мощности». Две трети – резерв.

– Постой, Антон... Но если это яды, они не могут... ну, отравить еще сильнее?

– Еще один правильный вопрос задает наш читатель Алексей К. из Москвы, – рассмеялся Беклемишев, – я же говорю, ты быстро соображаешь. Все зависит от дозы, мон шер! Раздражение, вызываемое этими веществами, может привести к улучшению функций организма, а может вызвать их подавление вплоть до...

– До летального исхода?

– Типа того.

– Может, живая вода, а может, и мертвая?

– Начитанный ты, Алексей-царевич, – Антон хлопнул меня по плечу, – ну, это – в общем-то универсальный принцип: одна таблетка снотворного – спокойный сон на ночь, упаковка снотворного – сон вечный.

– Так, Антон, можно еще один вопрос?

– Пожалуйста, пожалуйста! – Антон сделал рукой широкий жест.

– Я видел в прадедовых бумагах слово «лизаты», видел «гистолизаты», а еще видел «тестолизаты». Это что такое?

Антон встрепенулся и подобрался.

– Да, это – важная вещь, – сказал он. – Согласно теории

Заблудовского продукты распада специфичны.

– Опять не понятно.

– Каждому органу, каждой ткани человеческого организма присущи свои особенные или, по-другому, специфические белки.

– Ну и что?

– Значит, специфичны и лизаты. Препарат, приготовленный из продуктов распада тканей определенного органа, будет воздействовать только на этот орган. И соответственно будет называться. Миолизат – лизат из мышцы, тиреолизат – препарат из щитовидной железы, овариолизат – лизат из яичников. Тестолизат – это лизат, изготовленный из тестикул, мужских половых желез...

– И с его помощью можно было стимулировать работу этих самых мужских половых желез. – заинтересовался я. – Типа такая виагра?

– Ну да. Проблема усиления потенции и продления половой жизни волновала мужчин во все времена, и те, кто предлагал решение, были... эээ... популярны. Дед Антон Григорьевич говорил, что Павел Алексеевич с этого начинал в Казани, а потом уже сформулировал более общую теорию.

– О как!

– И вот что еще важно. В своих рассуждениях Заблудовский шел дальше. Не только лечение уже существующих недугов, но и предотвращение их...

– Профилактика?

– Он использовал другой термин – потенцирование...

– Как, прости?

– Потенцирование. По его мысли, регулярный прием гистололизатов помогал поддерживать баланс и нормальную работу различных органов, а значит, увеличивал время их службы и вел к омоложению организма...

– Стоп! Это разные вещи!

– Что разные вещи?

– Увеличение срока жизни и омоложение.

– Тут тонкая разница. Я думаю, что Павел Алексеевич Заблудовский, говоря об омоложении, имел в виду замедление процесса старения и увеличение вследствие этого продолжительности жизни. Но если человек в семьдесят лет чувствует себя как в пятьдесят, это тоже можно трактовать как омоложение, не так ли?

– То есть речь все-таки не шла об омоложении в смысле «Странной истории Бенджамина Баттона»?

– В смысле поворота процесса старения вспять? Нет, не думаю. Хотя твой прадед не отрицал возможности подобных явлений...

Нельзя сказать, что я понял все, но общую идею, как мне казалось, ухватил. Словно из тумана проступили контуры невидимого прежде здания. И здание это было не какой-то там халупой, а дворцом – загадочным и величественным. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. В голове у меня теснились мысли, и задача состояла в том, чтобы заставить

их построиться и рассчитаться на первый-второй. В кухне было тихо. Только тикали часы на стене и было слышно, как Антон время от времени шумно прихлебывал чай. «Главное – ничего не упустить, – тревожно думал я. – Главное – ничего не упустить...» То, что рассказывал Антон, было необычайно интересно, но что-то мне все-таки не давало покоя. Я открыл глаза. Антон невозмутимо жевал сушки.

– Послушай, Антонио, а это все, часом, не шарлатанство? Не лженаука?

Беклемишев перестал жевать и с удивлением посмотрел на меня.

– О, непочтительный потомок академика! – воскликнул он. – Вот уж воистину – нет пророка в собственном семействе!

– Ну правда, ты как думаешь?

– Нет, Павел Алексеевич Заблудовский определенно не был шарлатаном, – твердо заявил Антон. – Я тебе сейчас кое-что почитаю...

Антон вскочил и вылетел из кухни. Через минуту он вернулся, держа в руках старый, пожелтевший от времени журнал.

– Вот! – сказал он и помахал журналом у меня перед носом. – Это, между прочим, библиографическая редкость – «Казанский медицинский журнал». Второй номер за 1928 год. В нем, уважаемый Алексей Петрович, была напечатана статья вашего прадедушки под названием «Гистололизаты и

их влияние на соответствующие органы». Это еще до Москвы...

Антон принялся торопливо листать журнал.

– Минуточку, сейчас найду нужное место... Ага. Вот здесь!

Он откинулся на спинку стула и начал читать медленно, с расстановкой:

– «В настоящее время Бактериологическая лаборатория Казанского ветеринарного института изготавливает препарат Testolysat...» Вы, Алексей, уже знаете, что это такое... «... Testolysat для общего пользования... Спрос на этот препарат растет, а отзывы пациентов, насколько я могу судить по имеющимся у меня сведениям, очень благоприятны...» Так, где же это? Хочу обратить твое внимание на следующий пассаж...

Антон поднял палец.

– «...Само собой разумеется, что прежде чем выпустить этот препарат на рынок, мы очень тщательно проверили его на животных, а затем проследили на сотнях пациентов, добровольно предоставивших себя для наблюдения... Препарат, приготовленный из тестикул молодых животных по моим указаниям... был роздан в количестве более пятисот флаконов. Через несколько месяцев были собраны сведения, и выяснилось следующее...» Не буду читать тебе все, назову только цифры. Итак, 11 процентов заявили, что препарат не подействовал, 37 процентов не дали никакой информации и

ушли из наблюдений, а 52 процента дали безусловно положительные отзывы. Тут дальше твой уважаемый предок исключает 37 процентов «молчунов» и пишет, что из тех, кто дал отзыв, 82,5 процента проголосовали «за»...

– Ну, это – статистическая манипуляция, – перебил я.

– Не согласен, – возразил Антон, – по правилам нельзя всех «молчунов» скопом записывать в сторонники или противники, их надо делить в том же соотношении, в каком находятся «за» и «против», то есть 5:1... И тогда получается 30 процентов «молчунов» за и примерно 7 процентов против. Складываем и получаем 82 против 18. Все правильно. Кстати, в дальнейшем Заблудовский повторил эту цифру – примерно 80 процентов благоприятных результатов при использовании лизатотерапии. Незадолго до смерти, в начале 1935 года, он написал в «Бюллетене ВИЭМ», что наблюдения в учреждениях Лечсанупра Кремля дали такой же процент положительных исходов. Я к чему тебе это все рассказываю? Выводы академика Заблудовского опирались на вполне солидные экспериментальные данные. Причем не только его собственные, но и на результаты других специалистов. В начале тридцатых лизатотерапия стала... не люблю это слово, но... она стала модной. Этот метод применяли тогда многие врачи и ветеринары. Это была такая довольно живая история...

– Почему же она зачахла?

– Не знаю, – сказал Антон.

– Почему я никогда ничего не читал и не слышал о прадеде и его теории? Ну, если, конечно, не считать семейных преданий в исполнении моей мамы...

– Кстати, как она себя чувствует?

– Спасибо, хорошо... Так вот я никогда нигде не читал о лизатах, не слышал о них от врачей...

Беклемишев задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– В этом я с тобой, пожалуй, соглашусь, – сказал он. – Тема, как говорится, не присутствует в информационном поле!

– Почему? Куда все делось?

Антон откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Ммм... Еще раз говорю, не знаю.

– Но, согласись, это странно.

– Странно, – согласился Антон. – Ведь в первой половине тридцатых это была очень популярная теория.

Он взял в руки сборник статей Заблудовского и быстро нашел нужную закладку.

– Вот, слушай! «Всеукраинский съезд эндокринологов в Харькове, в апреле 1934 года, в большей своей части прошел под флагом лизатотерапии и официально признал ее новым «научным методом». Это постановление съезда является, несомненно, большим завоеванием для учения о гистолизатах...» И вот тут дальше: «В настоящее время у нас в Союзе применяются для опытов и лечения самые разнообразные лизаты...»

– А потом все куда-то вдруг исчезло. Отчего так?

– Теория может, как ты говоришь, зачахнуть, если она не подтвердилась дальнейшими исследованиями и была признана научным сообществом несостоятельной.

– Хорошо излагаешь. Наш случай?

– Ммм... Сложно сказать. Ты прав, в научной литературе эта тема не обсуждалась уже много лет, но я помню разговоры отца и матери. Они никогда не говорили о Павле Алексеевиче как об ошибавшемся человеке или... боже упаси, как о шарлатане.

– А как они говорили?

– Только в превосходных степенях. Умница. Большой ученый. Его смерть – большая потеря для науки. А ведь если бы что-то было не так в научном смысле, они бы уж наверняка сказали... Слышал бы ты, как они несли Лысенко и Лепешинскую!

– Ну, хорошо. Допустим, изобретение прадеда не проходит по разделу «вечных двигателей». Тогда отчего же о нем так крепко все забыли?

– Может, просто людей не осталось?

– В каком смысле?

– Ну, в прямом. Когда умер Павел Алексеевич?

– В 1935-м.

– Ну вот, а потом у нас были годы 1936, 1937 и 1938... Многих репрессировали... А потом война. Люди могли просто погибнуть, и некому стало подхватить выпавшее из рук

академика Заблудовского знамя. Как тебе такая версия? Истории известны случаи, когда знания утрачивались, потому что умирали их носители. «...А мне костер не страшен, пускай со мной умрет моя святая тайна, мой вересковый мед!»
Помнишь?

– Помню.

– Чайку подлить?

– Нет, спасибо... И все-таки странно это, не находишь? Если идея была такой... интересной, почему все заглохло?

– Странно, странно, – снова повторил Антон. – Но мне кажется, мы движемся по кругу... Слышь, Леха, тебе надо поговорить с каким-нибудь специалистом покрепче меня...

– С кем, например?

– Есть один персонаж. Фамилия его Коженков. Он постарше нас. Когда я учился в универе, он был аспирантом, читал курс... И как-то, помню, сдавал я ему то ли зачет, то ли коллоквиум какой-то проходил... Короче, разговорились мы с ним про ВИЭМ...

– Это Всесоюзный институт экспериментальной медицины?

– Он самый.

– Прадед руководил там лабораторией.

– Там не только твой, там и мой предок подвизался... Так вот, помню, Коженков интересно так говорил о ВИЭМе. И Заблудовского, кстати, вспомнил...

– А как найти этого твоего Коженкова?

– Думаю, это будет несложно. Может, все-таки еще чайку?

– Ой, нет! У меня уже все баки под завязку.

– Ну как хочешь! Удовлетворил я хотя бы отчасти твое любопытство?

– Отчасти удовлетворил. Кое-что начинает проясняться. Спасибо тебе.

– Не за что. По крайней мере, сможешь теперь читать прадедовы статьи.

– Сомневаюсь, что так вот сразу смогу.

– А ты начинай не с начала, не с теоретической части. Там действительно много сложных слов. Ты начни с более простых, прикладных вещей. Вот, например...

Антон заглянул в оглавление сборника трудов Заблудовского:

– «Применение гистологизатов в животноводстве». А ты не смейся! – сказал он, заметив улыбку на моем лице. – По крайней мере, ты поймешь, как действовали лизаты и какой практический результат давали. Там описываются, как бы теперь сказали, кейсы. Очень любопытно! Увидишь.

– Спасибо, Антоша. Я так и сделаю.

– Да, ты не пытайся понять все, там много всяких специальных подробностей... Но направление, главную мысль, ты уловить сможешь. Ты же у нас умный!

Антон похлопал ладонью по прадедовой книжке.

– Знаешь, я даже немного жалею, что не вник во все это раньше, когда еще работал в науке... Можно было бы кое-

что проверить экспериментально у нас в лаборатории...

– На мышах?

– На мышах. И еще на морских свинках.

– Вот мама была бы довольна! Не я, так хоть ты бы этим занялся.

– Привет ей от меня!

– Непременно.

Я поднялся.

– Скучаешь по науке?

– Скучаю, – признался Антон.

– А вернуться не думал?

– Вернуться? Нет, старик, невозможно. Ушел поезд...

– Но ты ведь читаешь научную литературу, следишь...

– Следить-то слежу, но этого недостаточно. Это как, знаешь, бывший футболист смотрит матчи по телевизору. Он тоже типа следит и знает, кто играет, как играет. Но это не означает, что он сам может выйти на поле в команде мастеров. Улавливаешь?

– Улавливаю. Ну, я пойду.

– Если какие-то вопросы возникнут, звони. Еще чайку попьем!

– Обязательно.

Мы вышли в прихожую, и я стал одеваться. Антошка стоял рядом и задумчиво смотрел, как я натягиваю плащ.

– Знаешь, Леша... – сказал он вдруг.

– Что?

– Вот я сейчас вспоминаю их разговоры...

– Чьи?

– Ну, родителей. И мне кажется, что-то было связано такое с именем Заблудовского... Какая-то, не знаю... недоговоренность, что ли... Ощущение такое, будто они, предки мои, знали что-то и молчали. Или, может, мне просто кажется...

Казань, 10 сентября 1918 года

Канонада не стихала всю ночь. Красные батареи били по городу с правого берега Волги, со стороны Верхнего Услона. Павел Алексеевич Заблудовский сидел за столом в гостиной, не раздеваясь и не зажигая света, и прислушивался к отдаленным разрывам. Бои шли уже пятый день...

К утру стрельба стихла. Павел Алексеевич почувствовал, что его клонит в сон. Он встал из-за стола и походил по комнате, чтобы немного размяться. Потом тихонько заглянул в спальню – Сима и Ариадна мирно спали. Заблудовский накинул на плечи пиджак и вышел на крыльцо. Вокруг было тихо. «Вот ведь и представить трудно, что где-то совсем близко война идет», – подумал он, вдыхая свежий утренний воздух. Всю ночь он размышлял о том, правильно ли поступил, не поддавшись уговорам брата. В сотый и в сто первый раз пытался взвесить все за и против. Существовала ли опасность, о которой говорил Сергей? Конечно, существовала. Но означало ли это, что с ним, Павлом Заблудовским,

обязательно должно было что-то случиться? Вовсе нет. За свою жизнь Павел Алексеевич успел уже побывать на двух войнах – с японцами и германцами, и у него сложился довольно своеобразный, как он говорил, «пространственный» взгляд на вещи. Когда в 1904 году в Корее Заблудовскому пришлось участвовать в первой стычке с японцами, он испытал сильнейший страх. Ему казалось, что его непременно должны убить. И когда он вышел из боя целым и невредимым, то испытал необыкновенное воодушевление и одновременно удивление. Потом были еще немало стычек и вылазок, переходов и рейдов, и постепенно Павел Заблудовский пришел к пониманию того, что в огромном, бесформенном и хаотическом действе, называемом войной, погибают и калечатся далеко не все, а лишь меньшинство. Мир оказался слишком велик, чтобы война могла заполнить его целиком и сделать смертельно опасным пребывание в каждой точке. Помимо переднего края, где действительно бывало опасно, на войне обнаружилось множество мест, где, в сущности, ничего не происходило, где люди месяцами сидели в траншеях, в казармах, в лазаретах, пили чай, страдали расстройством желудка, резались в карты, потом грузились в эшелоны и переезжали на другое место, где снова сидели в траншеях, и так без конца... И постепенно Заблудовский перестал бояться войны, потому что понял, что это – такая же рутина, как и так называемая мирная жизнь. Конечно, он признавал, что вероятность погибнуть на войне была выше, чем вероят-

ность быть задавленным автомобилем на улицах Казани, но все равно не равнялась неизбежности. Так чего волноваться, если все – случай? Павел Алексеевич вспомнил, что, когда в августе четырнадцатого его снова призвали в действующую армию, Серафима чуть не умерла от горя и страха. Заблудовский смотрел на жену снисходительно. Он понимал, что она думала примерно то же, что и он десятью годами раньше в Корее. Раз война – значит, обязательно убьют. «Не обязательно», – объяснил он Серафиме и, поцеловав жену на прощание, отправился в Восточную Пруссию с армией генерала Рененкампа. Как он и ожидал, германская война оказалась такой же рутинной, как и японская, только размером побольше. А так все то же самое – грязь, скука, пьянство...

В 1915 году Павла Алексеевича вообще отозвали с фронта и вернули в Казань. В губернии были отмечены вспышки сибирской язвы среди скота, и понадобились специалисты для организации карантинной работы. Заблудовский приехал в родной город, где войны не было ни видно, ни слышно, переделался в штатское и вернулся к привычным своим занятиям. Где-то далеко наступал Брусилов, шла битва при Вердене, а Павел Алексеевич Заблудовский ходил на службу и заведовал бактериологической лабораторией. В феврале 1917-го в Петрограде случилась революция, а в июле в Казанском ветеринарном институте прошли новые ветеринарные штаты, и Заблудовский был утвержден доцентом. В октябре к власти пришли большевики, а в декабре Павла Алексееви-

ча назначили экстраординарным профессором, как имевшего полный профессорский стаж...

И когда весной 1918 в России началась новая война – Гражданская, Павел Алексеевич сильно не волновался. Он был уверен, что и эта война будет такая же, что она оставит достаточно пространства для тех, кто не захочет в ней участвовать. Надо просто вести себя осмотрительно, не лезть на рожон и не оказываться в ненужное время в ненужном месте. Однажды Павел Алексеевич попытался изложить свою теорию брату Андрею, но тот ее не одобрил, обозвав «безыдейной» и «обывательской». Средний Заблудовский не стал спорить, но внутри остался при убеждении, что сидеть в тылу и заниматься там каким-нибудь общественно полезным делом – например, организовывать противочумные станции – гораздо лучше, чем с выпученными глазами и криком «ура!» умирать за соединение всех пролетариев мира или, напротив, за Учредительное собрание...

И тут вдруг раздался звук, вернувший Заблудовского к реальности, – вдалеке зазвучала музыка. Павел Алексеевич прислушался и понял, что где-то далеко оркестр, фальшивя и не попадая в ноты, пытался сыграть «Интернационал». Духовые с трудом выводили мелодию: «Вставай, проклятым клейменный...» Заблудовский еще немного постоял на крыльце, потом вернулся в дом, сел в гостиной в кресло и мгновенно заснул...

Пробуждение его было тревожным. От долгого сна в

неудобной позе болела шея, все тело поламывало. За окном стояло позднее утро. Павел Алексеевич достал из кармана часы, стрелки подбирались к десяти часам. «Ишь как мы разоспались», – подумал Заблудовский и прислушался. И в доме, и, казалось, во всем городе царила тишина. Павел Алексеевич встал, потянулся и выглянул в окно. Ни души. Он снова вспомнил разговор с Сергеем, потом подумал о сестрах. Как они? Надо будет их сегодня навестить... Если, конечно, будет такая возможность. Какая власть в городе? Ушел Комуч или нет? Как бы узнать? И где, интересно, брат Андрей? Уехал или остался? Отношения с Андреем не были такими теплыми и близкими, как с младшим братом. Андрей Алексеевич был человеком тяжелым, резким в суждениях, ладить с ним было нелегко. В отношении младших Андрей с детства усвоил тон строгого отца и в зрелом возрасте не мог выйти из этой роли. Всякий раз, когда братья встречались, Андрей начинал поучать младших и очень сердился, когда те решались ему перечить. «Опять нотацию читал», – морщился Сергей. Павла Алексеевича ригоризм брата тоже раздражал, но он сдерживал себя, старался не ссориться с Андреем, всякий раз вспоминал, как много тот сделал для младших братьев и сестер после смерти родителей... И теперь в душе Павлу хотелось, чтобы старший брат остался. И тут в дверь постучали. От неожиданности Павел Алексеевич вздрогнул. Потом надел пиджак и пошел открывать. На крыльце стоял невысокого роста старичок с мелкими, незапоминающимися

чертами лица. Одет он был в черный поношенный пиджак и косоворотку, штаны, тоже черные, заправлены в старые, стоптанные сапоги. Из-под картуза неаккуратно торчали седые волосы. Увидев Павла Алексеевича, старик поспешно снял картуз и поклонился. Лицо посетителя показалось Заблудовскому знакомым, но он не мог вспомнить, где видел его раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.